

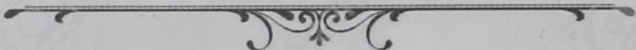
Владимир
Бабраков

Я АЛТАЙСКОЙ
ВОДОЮ
УМЫЛСЯ...

ВЛАДИМИР
БАБРАШЕВ

«Я АЛТАЙСКОЙ ВОДОЮ УМЫЛСЯ...»

Стихи и поэма

Горно-Алтайск
2018

ББК 84(2=632.1) 6-5

Б 127

Бабрашев В. В. «Я алтайской водою умылся...»: Стихи и поэма. / *Перевод с алтайского языка Николая ПЕРЕЯСЛОВА.* – Горно-Алтайск, 2018. – 140 с.

Стихи и поэма неповторимого поэта Владимира Бабрашева (1948-1977) разворачивают перед читателем жизнь глубокого алтайского села, в котором он родился, вырос и куда неоднократно возвращался, уехав учиться в Московском Литературном институте. Ни в одной строке своих произведений ничего не присочиняя и не выдумывая, он, в отличие от многих своих коллег-поэтов, изображал в них только самую настоящую правду, реальный быт своих земляков и родственников. А вокруг их жизни расцветает яркая алтайская природа, которая и сама по себе представляет явление подлинной поэзии.

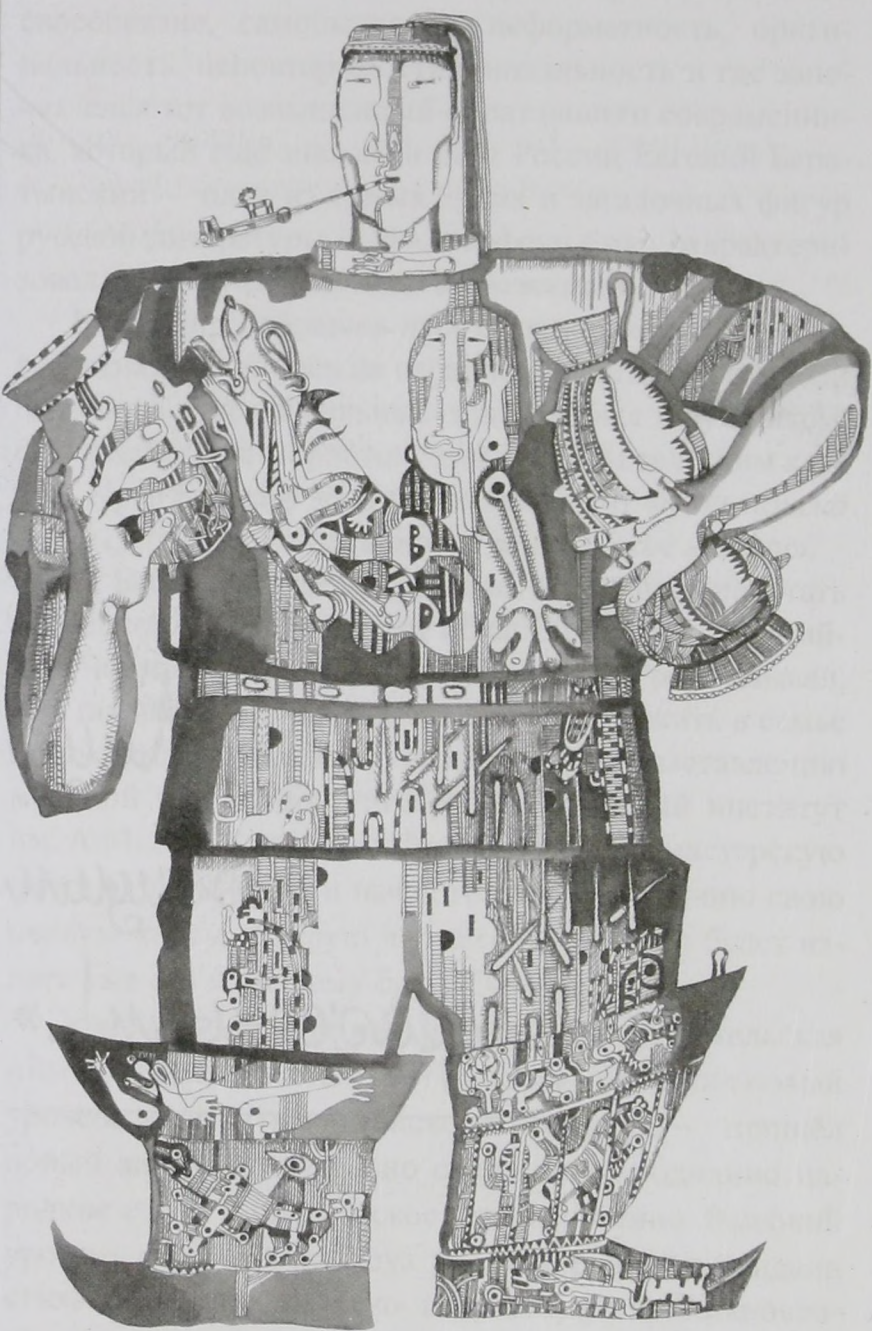
Гравюры В. Тебекова

Рис. Дайаны и Дамира Бабрашевых

605565

БУРА «Национальная
библиотека
имени М.В. Чевалкова»

© Э. Бабрашев

«Лица
необычным
выражением!...»

...Судьба отвела поэту Владимиру Бабрашеву всего 28 лет земной жизни, в которых спрессовались его своеобразие, самобытность, неформатность, оригинальность, неповторимость, уникальность и где запечатлелся тот возвышенный образ нашего современника, который ещё знаковый поэт России Евгений Баратынский – одна из самых ярких и загадочных фигур русской литературы – философски ёмко охарактеризовал как **«лица необычим выраженьем!...»**

Владимир Бабрашев жил Вдохновением. Его первые стихи появились на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» ещё в школьные годы. Он был табунщиком, строителем, трактористом, заведующим сельским клубом. Прав биограф эпохи: воистину, этот *«путь поиска своей судьбы проходили тогда все сельские юноши»*.

В. Бабрашев учительствовал, позже стал работать корреспондентом в ту пору областной газеты «Алтайдын Чолмоны». Как сам Владимир потом рассказывал, ему посчастливилось несколько месяцев жить в семье поэта Лазаря Кокышева. Именно по его наставлению молодой поэт и поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. Он выбрал творческую мастерскую поэта Егора Исаева и начал готовить к изданию свою первую книгу, которую через годы суждено будет издать уже его младшему брату Эдуарду...

Как верно подметила недавно общеписательская «Литературная газета», этот сборник обозначил новый уровень в развитии алтайской литературы – пришёл новый автор, удивительно сочетававший подлинно народное слово и новаторское стихосложение. Высокий уровень и утончённый дух русской классики придали стихам Бабрашева ярко-лирическую проникновенность и своеобразную музыкальную тональность. И эта оценка в полной мере справедлива!

На алтайском языке изданы сборники его стихотворений и поэм: «Бир кыш» («Одна зима») и «Јүрегим улуска көрүңгедий болзо...» («Увидели бы люди сердце моё»). И вот я держу в руках этот сборник его стихов на алтайском языке, изданный 20 лет назад. Такое ощущение, что они написаны вчера, а может – сегодня утром. Стихи естественны, ненарочиты; слова текут, как горные ручьи, несут своё уверенное течение с кристальной чистотой поэтических вод. Завтра придёт новый день, и эти стихи будут разговаривать с читателем, как *«наступивший новый миг мироздания»*.

Сегодня мы ещё более отчётливо осознаём, что Владимир Бабрашев в алтайской поэзии занимает своё особое место, имеет сугубо своё, непохожее на других алтайских поэтов лицо. Он обладает исключительно собственным, только ему присущим слогом, не похожей на других алтайских поэтов манерой. Вроде бы, его стихи где-то отходят от устоявшейся алтайской поэтической классики (за свободную манеру письма в своё время Эркемен Палкин не зря сравнивал поэтический слог Бабрашева с ритмикой «За далью даль» Твардовского). Но строки Владимира Бабрашева наполнены высоким алтайским духом. Возьмём в сравнение японский, китайский стили стихосложения: при всём желании мы же не можем им подражать абсолютно! Бабрашев внёс в стихи СВОЮ оригинальность.

...Я знал Владимира ещё, когда учился в областной национальной средней школе, где были собраны, говоря народными словами, все «дети с гор». Бабрашев был на несколько лет старше меня. Но я хорошо помню, как он активно участвовал во всех литературных кружках. А литературные традиции, бережное отношение к национальному слову были в школе В.К. Плакаса свято хранимы и пестуемы.

Мы тогда с моим другом и однокашником Момыем (Григорием) Чекурашевым тоже являли литературные пробы. Не удержусь не сказать о том, какие тонкие, проникновенные поэтические чувства выражал в своих стихах Момый! Но в жизни он почему-то пошел по другому пути...

Чуть раньше Владимира Бабрашева это же «литературное горнило» кружков, первую пробу поэтического пера проходили здесь Бронтой Бедюров и Борис Самыков. А ещё, старше их, начинали свой жизненный путь и первые пробы пера в этой же школе Борис Укачин, Паслей Самык, Александр Ередеев, Шатра Шатинов. В это время Аржан Адаров, Лазарь Кокышев, Эркемен Палкин, тоже прошедшие ранее учёбу в нашей средней национальной школе, были для нас уже светилами. Вот что такое национальная школа, вот каково её значение для алтайской культуры и духовности, для углубления народного национального слова!

Более близко я узнал Володю Бабрашева в Литературном институте имени А.М. Горького в Москве. Он учительствовал, потом заочно поступил в Литинститут. Помню, как мы сидели до утра, читали друг другу стихи, говорили об алтайском духе, героических сказаниях Улагашева и Калкина, предназначении Алтая под Солнцем и Луной. Тогда я увидел в нём не только очень талантливого поэта, но глубинного, душевного, где-то даже артистичного человека. Владимир признавался, что особо любит поэзию Пушкина и Есенина, а также стихи наших с ним современников Николая Рубцова и Шатры Шатинова.

Согласимся, человек не появляется на пустом месте. Его формируют среда, природа, люди. Владимир Бабрашев родился в селе Бешбелтир Чемальского аймака. Это особое село, оно дало немало знатных людей: политиков, учёных, врачей, педагогов. Алтай

богат такими знаковыми селениями: Кулада, Экинур, Каспа, Оймон, Мухор-Тархата, Сайдыс, Балыктуюль, Курмач – Байгол, Яломан, другие. Именно на таком пассионарном фоне формируются личности с большой, заглавной буквы! К месту сказать, что дядя Бабрашева по материнской линии, купец из крестьян Даниил Тобоков был депутатом Государственной Думы Российской империи от Томской губернии, видной личностью своего времени. Эта была эпоха Гуркина и Аргымая, Чагат-Строева и Кучияка.

...Пишущая на русском языке татарская поэтесса Лилия Юсупова в своей философской лирике вспоминает духовные встречи с поэзией Владимира Бабрашева. Воспроизводя те короткие, первозданные четверостишья, которые поэт Борис Укачин когда-то пророчески называл «стихами с кулак». Лилия Юсупова известна на Алтае не только как автор собственных стихов. В её творчестве есть переводы тюркоязычных и европейских поэтов. Но больше всего – наших алтайских поэтов Паслея Самыка и Владимира Бабрашева. Большинство из этих переводов поэтессы вошли в её книгу «Дороги и думы».

Невозможно представить, сколько бы ещё искреннего, неизбывного, по-сыновьи нежного написал о родном Алтае и его людях В. Бабрашев. Но жизнь поэта оказалась трагически короткой. Он ушёл от нас уже четыре десятка лет назад, однако первозданная поэзия Владимира Бабрашева продолжает жить и сегодня. К читателям выходят лучшие из его стихотворений, переведённые на русский язык московским поэтом Николаем Переясловым:

*«Я побыл в Онгудае, и сердце моё,
Встретив девушку, влюбилось в неё.
Хоть давно я живу в Уйтушкене, душа –
Онгудай вспоминает теперь, не дыша...»*

Горько и больно осознавать, что сегодня Владимира Бабрашева нет рядом с нами. Но остались его замечательные стихи, осталось вдохновенное Слово поэта. Мы должны беречь это классическое слово, дорожить им. Вот, по моему глубокому убеждению, вокруг каких ценностей мы должны объединяться, вот чему вместе радоваться, вот чем гордиться!

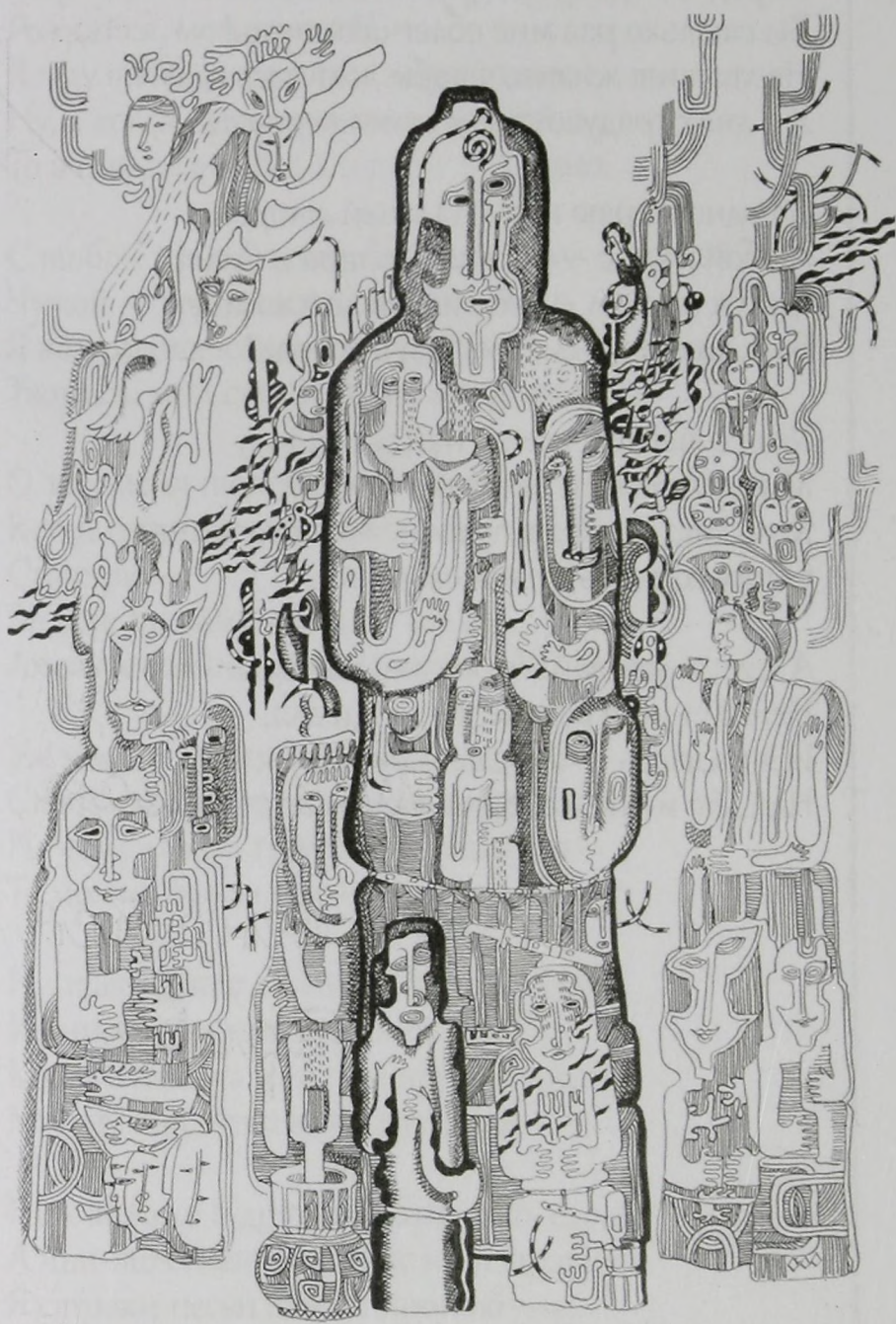
Недавно в Шебалинской школе прошёл конкурс под названием «Поэтическая весна». Юные дарования декларировали свои стихи и стихи известных поэтов. Мне увиделось очень символичным, что там звучали стихи Владимира Бабрашева.

...С серебряных гор Алтая кристальные ручьи устремляют в малахитовые просторы долин вековечные воды Катунь. Приходят новые поколения — достойные потомки, которым дороги духовно-нравственные традиции предков, былинная сила великого алтайского эпоса, глубинность и правдивость поэтического народного слова.

Жизнь продолжается!..

Диман Белеков

«В том краю,
где пенится
травва...»

* * *

Народ мой добрый, друг мой золотой —
Вы столько раз мне облегчали путь!
Не хватит жизни, чтобы долг весь мой
Я в днях грядущих вам сумел вернуть.

В родном краю иль в дальней стороне
Любой из вас — мне как сестра и брат.
Где б я ни жил — входите в дом ко мне,
Вам, как родным, всегда я буду рад!

Уют с теплом всегда найду для вас,
Мне для гостей не жалко ничего.
Коль кто замёрз в пути — я в тот же час
Смогу согреть душой своей его.

А если в дом зайдёт ко мне мой враг —
Нет для него во мне ни капли зла.
И я надеюсь — вместо ссор и драк —
Найдёт и он в себе для вас тепла...

* * *

Творишь, мой стих!
Рождайся, мой родной!
Я жду тебя, как в клубе ждут кино...
Ну, а когда нет строчки ни одной —
То в сердце тяжко, а в душе — темно.

С тобой мы в дружбе. Что мне слог — чужой?
Чужой — мне вовсе даже ни к чему.
Я возгордиться не спешу душой.
Творишь, мой стих! Не уходи во тьму!

О, как меня пугает твой обман,
Когда горит огонь зари...
Смотри —
Во мне словами плещет океан,
Листая волны, будто словари!

Уж коль строке родиться не дано —
Стихотворенью, значит, не звучать.
Но если ляжет строкой хоть одно —
То можно будет больше не молчать.

Ну, так идите ж! Падайте на лист!
Из ниоткуда приходите в мир!
Когда блокнот мой безнадёжно чист —
Мой ум теряет свой ориентир.

Нам только б дружбу сохранить свою.
А чьи-то сплетни — нас не устрашат.
Я строки песен людям пропою —
Лишь пусть они ко мне скорей спешат!

Порой они сбегали от меня,
А я пропу опять к ним находил.
Как волн прибой, в груди моей звеня,
Раскат стихов меня собой будил.

Коль слабоваты рифмы — пусть идут
На все четыре вольных стороны...
Но лучшие стихи — в народ уйдут,
Словно герои,
Что пришли с войны.

* * *

Опять ни с чем я, мама, дома,
На этот раз прошу простить,
Что не привез хотя бы скромный,
Никем не виданный гостинец...

Ведь дети все пред стариками,
Не так, как я, такой беспечный,
Парчою хвалятся, шелками...
Но блеск их внешний, скоротечный...

Старушка хворост собирала,
Я не прошел, помог старушке,
Девчонка деньги потеряла,
Отдал последнее — девчушке...

Людская радость — не в деньгах...
Нам драгоценность — соучастье,
А свет в заплаканных глазах —
Ведь в этом, мама, наше счастье!..

* * *

Из узкой щели меж волнистых туч
Луна на землю смотрит удивлённо.
И возле юрт встречает бледный луч
Круг лошадей, застывших утомлённо.

В душе надеясь, что услышит Бог,
Не пряча рвущей её сердце боли,
Вцепившись сыну в кожаный сапог,
Она его в слезах горячих молит:

«Сынок, я чую, что грозит беда.
Уж лучше б ты остался тут со мною.
Коль ты уедешь — это навсегда.
А мне придётся доживать самую.

Ты мал и слаб, и не готов к войне.
Как ты поедешь тропами крутыми?
Как ты поскачешь на лихом коне?
И как сравнишься ты в бою с другими?..»

«Мужчины часто покидают дом.
Так что же — всю жизнь мне прятаться под
койкой?
Коль если будет счастье — то потом
Я вновь вернусь домой походкой стойкой».

«Сынок, сынок, послушай свою мать,
Ты не равняйся на мужей могучих.
Никто вступать
Тебя не гонит в рапъ.

Мать Ульяна Алексеевна

БУ РА «Национальная
библиотека

имени С. С. Морозова»

Сестра Лидия с матерью

Мама с младшим братом Эдуардом

Сестра Раиса, брат Василий

Средний брат Пётр

В одеянии шамана

Сын Алексей

Портрет художника Л. Сафронова

Портрет художника И.И. Ортонова

Останься дома — здесь намного лучше!
В конце дороги этой
Жаркий дух
Запахнет красной кровью человеческой.
И упадёшь ты, скошенный, в лопух
Среди земли бесчувственной и вечной».

«Я б так и сделал, мама, не дыша,
Таясь в подвале или в старой бане.
Но что б тогда сказала мне душа
Узнав, что я — запрягался от брани?

Меня никто не сможет удержать.
Вперёд, мой конь! Туда, где бури, грозы!...»
А мать осталась на земле лежать,
Кляня войну и проливая слёзы.

По небу тяжко плыли облака,
Сомкнувшись плотно, как от горя брови.
И соскользнуло тело паренька
С коня на землю, мокрую от крови.

Никто назад с той огненной войны
Не возвратился в сень родного края.
Лишь ветер дул из дальней стороны,
Песком горячим трупы заметая.

Давно то было! Много лет назад!
Века бывшего скоро след залижут.
Но мне судьба дала двоякий взгляд —
Смотрю вперёд
И всё, что в прошлом вижу...

* * *

Как поропливый конь, который рвётся
Сорвать узду, взмывая на бегу,
Так лодка с ветром и волнами бьётся,
Стремясь к лесам на дальнем берегу.

А ветер гонит, гонит ей навстречу
Отряды волн, таранящие борт,
Мешая лодке плыть вперёд, переча
И закрывая
В заводь вход, как в порт.

Толкут друг друга крепкими боками,
В том познавая суть явления — быть,
То ль друг за другом, то ль — за облаками,
Спеша быстрее к берегу доплыть.

А я смотрю на них, и так ничтожно
Во мне томленье чувства моего.
В душе темно, и тайно, и тревожно.
И грудь сжимает болью... Отчего?

* * *

Ничем земля не славится моя:
Леса, вершины — всей-то красоты!
Кто населяет здешние края? —
Берёзки, сосны, травы да кусты.

Всё серо глазу. Праздника не жди.
Вершины, пропки, лес — одно и то ж.
То дуют вьюги. То идут дожди...
Но как же сердцу этот мир хорош!

Земля моя! Ну кто ещё, скажи,
Тебя полюбит сердцем, не тая?..
Вершины, пропки, лес... Чижи, стрижи...
Край ненаглядный! Родина моя!

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

В окнах свет погас,
Ночь слетает с крыш,
Сон заходит ко всем в дома.
Вот уснул и мой в тишине малыш,
А кругом опустилась тьма.

Спи, младенец мой, нынче время спать,
Отгони свой ненужный страх.
Твой отец ушёл лошадей искать
Далеко-далеко в горах.

Завтра он придёт, приведёт коня,
И посадит тебя верхом,
Чтоб капать тебя до исхода дня...
Спи, не думая о плохом.

Твой отец с вершин принесёт с собой
Спелой ягоды туесок.
И друзья твои набегут гурьбой,
Все измажутся в алый сок.

А сейчас все спят, спи и ты, малец,
Пока полночь стоит в избе.
Завтра с гор придёт к тебе твой отец,
Он соскучился по тебе.

Спи, мой мальчик, пришло к тебе время спать.
Разве есть что-то снов — нежней?..
Твой отец по горам нынче бродит искать
След крылатых своих коней.

* * *

Если будешь, мой друг, в Уйпушкене —
Заходи к моей матери в дом.
Ей открой себя, как на рентгене,
И скажи, что ты друг мой при том.

Моя мать всех добрее на свете,
Тут же бросится гостя кормить.
Тебя сыром вкуснейшим приветит,
Следом примется чаем поить.

Не пытайся нас звать мудрецами
И меня чересчур не хвали.
Мама скажет: «Дружите сердцами,
Чтобы шло всё на радость земли».

Моей мамы нет в мире дороже!
Блеск в глазах, глянец розовых щёк...
Я хвалю её редко. Но всё же —
Где такая найдётся ещё?..

* * *

Со страхом смотрят из густого леса
Дерева прямо в душу мне, в упор.
Откуда знать им, что я за повеса —
А вдруг ношу за поясом топор?

Дрожат осинки трепетные листья —
То ли от страха, то ль от ветра.
За мной с тревогой смотрят глазки лисьи
И черноглазый взгляд бурундука.

Столетний кедр, заслышав в небе грозы,
Сорвётся с кручи, не сдержав свой вес.
И рядом вздрогнут тонкие берёзы,
И загудит протяжным гулом лес.

Но я не буду ни пилить, ни резать,
Ни топором неистово махать.
И, сев под кедром, буду тихо грезить
Да запах веток сладостно вдыхать.

Задует ветер, закачает ветви,
Начнёт шептать рассказ о силаче.
А люди в роще, тень мою заметив,
Решат, что я дурачусь в кедраче...

* * *

Дождь из небесной мошны, из прорехи
Хлынул и льет с той поры неизменно...
И по следу не пройти, не проехать
Между домами в грязи по колено...

Грязь по колено месить мне не надо,
В жизни бывает и хуже порою,
Проще пройти, не спеша, вдоль ограды
Кромкой, заросшей зеленой травой.

Был ручеек, затерявшийся в травах,
После дождя, пробудившийся втуне,
Может теперь посоперничать в нравах
Даже с всегда несравненной Катунью...

Мокнет округа — дождем ошарашена,
Воды журчат и крушат все препоны...
Ни комаришки вокруг, ни мурашика —
Смотрит в окно мое мир заоконный...

Ни человека вокруг, ни собаки...
В стекла оконные льются и льются
Струйки воды — доказательства знаки,
Что потоки дождя не прервутся...

* * *

Отец теперь живёт с другой семьёй.
И я свою когда-то заведу.
К нему же — я явился не судьёй,
К нему я в дом, как гость, сейчас иду!

Взглянуть мне захотелось на него.
Взгрустнулось мне на жизненном пути.
Аила¹ дверь распахнула его —
Так почему же в дом к отцу
Мне не зайти?

На женской половине, где очаг,
Я женщину увидел, что в дому
Вела хозяйство.
Опложив черпак,
Она меня спросила: «Ты к кому?»

Ну что ж мне врать? Я всё сказал, как есть —
Мол, я к отцу увидеться пришёл.
И, улыбнувшись, сразу меня сесть
За низкий круглый пригласила стол.

Светясь лицом, она передо мной,
Как перед главным гостем, поропясь,
Большой сложила сладкою горой
Всю, что нашлась в её запасах, сладсть.

А я ведь ей не близкий человек!
Но вот встречает — с радостной душой.
Да и отцу, уж думал, что навек
Я стал чужим...
Выходит — не чужой?..

Отец Василий Иванович

* * *

Над той долиной ветер постоянный.
Зима длинна. И холод там бесснежный.
И там живёт народ с душой открытый,
Зато — безгрешный,
К своим семьям нежный.

Вокруг — худые бледные берёзы,
Что, как девчонки, чуть не замерзают,
Когда в чулочках по снегам порхают...
На них посмотришь — и скупые слёзы
Из глаз на щёки сами вытекают.

Там, на хребтах, продутых ветром древним,
Взмывают кедры над высокой кручей.
Увы, не всем отпущено деревьям
Расти над миром, споря с грозной тучей.

С горы, по склону пронесусь вприпрыжку,
Вспугну в малине сладкоежку-мишку,
Чуть не сверну
Среди камней лодыжку,
И за рекой устрою передышку...

Пока не село солнце вдалеке,
От всех скрывая долгую истому,
Я перейду долину налегке
И подойду к родительскому дому.

И засмеюсь — я дома! я пришёл!
И я заплачу, что я снова вижу —
Родную землю, улицу и крышу,
Где в дни былые я друзей нашёл...
И я вздохну.
О как же хорошо!..

* * *

Я ей сказал — послушным буду я,
Как добрый пёс, что в доме тебе нужен.
И правит мною тёща пусть моя,
А я тебе покорным буду мужем.

Ну что за жизнь случится у меня,
Коль в ней тебя, любимая, не будет?
Живу с тобой, и в шутку не кляня,
Даже твоя подруга не осудит.

Ни лгать тебе, ни разводить мосты —
Не буду я, терзая себя от боли...
Вот вижу я — всё поняла и ты!
Смеяться стала...
Но — не надо мной ли?..

* * *

Жена сказала, взгляд лукаво пряча:
«Тебя не буду больше я дурачить.
Хоть пей все дни, я больше не заплачу.
Тебя — люблю я! Не могу иначе!

Пускай к тебе стремятся поэтессы,
Я пережить — сумею боль и стрессы!
Всем дверь закрою. Зря стучат повесы —
Я не впущу их! Уходите, бесы!...»

«А что скажу? Ну, ладно, я скажу.
Потом посмотрим...
А пока — сижу.
И глядя в даль, спокойно я гляжу,
Как день за днём и годы за годами

Проходит жизнь у нас над головами,
Не душ не пронув, не кольнув сердца,
Не счастья дав...
До смерти. До конца».

* * *

Что бы ни было, брат, я не знаю,
Как спасибо сказать в расставанье
Нам с тобою отцу Топчылаю,
Нашей матери — светлой Ульяне...

Без следа, ничего не осталось,
Канул дом, как исчез в одночасье,
Где когда-то нас мама рожала
И витало отцовское счастье...

А представить, то вовсе уж слишком —
Если б мать и отец не встречались...
Я тебя не назвал бы братишкой,
Нас бы не было в самом начале...

Будь поэтому, брат, веселее,
Как в мечтах своих, так же и в деле,
Будь покрепче, чем я, посмелее
Добивайся поставленной цели...

Пусть жена будет доброй, пригожей,
Чтобы вы никогда не расстались,
Были дети на вас так похожи,
Как ты в детстве был добр и смекалист.

Пусть в тебе твоя память не дремлет,
Где ни жил бы ты, как ни богато,
Вспоминай про родимую землю,
Про отца и про старшего брата...

Пусть желание жить не остынет,
Путь по жизни судьбою отмерен,

Как душа мое тело покинет,
Примиришься ты с этой потерей...

Что бы ни было, брат, я не знаю,
Как спасибо сказать в расставанье
Нам с тобою отцу Топчылаю,
Нашей матери — светлой Ульяне...

СВАТОВСТВО ЛУНЫ

Жить в одиночестве, как тебе, парень?..

Решил за ответом к луне обратиться:

— Ведь мы с тобой одиноки на пару,

Кто нам мешает тогда пожениться?

Что мне ответит луна — неизвестно?

Светит во тьме одиноко, не грея...

Может, избранника ждет, как невеста,

Вся в ожиданье — желтея, старея...

Нам бы с ней встретиться, хоть на мгновенье,

Может быть, вдруг она станет другая...

Как подозвать ее из отдаленья,

Только приближусь — она убегает...

И каждодневно, когда на закате

В сумерках небо луну приоткрывает,

Я становлюсь, как поклонник-лунатик,

Но без нее мне ни сна, ни покоя...

Ищет ли родственников в мире подлунном

Чувств и предчувствий о самом тревожном,

В небе светило ночное бесшумно

Снова сияет в пути бездорожном...

* * *

Брату

Хоть в шоколаде
Ты всю жизнь живи,
Но где бы ты ни оказался, брат,
Не забывай своей родне быть рад
И не жалея для них своих затрат.

Не знаю, сколько жить мне на земле,
Но жить на свете долго я хочу.
Наступит час — я в небо улечу,
А до тех пор — сам над собой шучу.

Когда ж наступит время уходить —
То Топшылая вспомню я отца,
Ульяну мать, тепло её лица...
Я вспомню всех в предчувствии конца.

* * *

Ты был недавно глупым малышом,
И вдруг подкрались взрослые года...
Ещё вчера ты бегал нагишом,
А нынче стала белой борода.

Как быстро время пролетело вскачь!
И наступает нашей жизни ночь.
Ко всем придёт однажды — плачь, не плачь —
Последний час, что уведёт нас прочь.

Вчера встречал я юность, как зарю,
А нынче — сердце стала боль сжимать!
Хоть я пока на это не смотрю,
Но разве можно старость удержат?

Бывало, в ночи лунные, без сна,
Играл, устроив шумный тарарам,
Или в праве лежал, что зелена,
Иль поднимался по крупным горам.

А вот сегодня — смотрит на меня
Судьба с холодных, недоступных гор...
О чём они молчат день ото дня?
Боюсь, печальным будет приговор.

* * *

Кроме ненужных, спутанных идей,
Лишь глупый ветер под фуражкой свищет.
Нас четверо у матери детей,
Других — нигде Бабрашевых не сыщешь.

Когда умру я, лягу тих и спрог,
Так, что завоюет от тоски собака,
Ты станешь громко плакать, мой браток,
Хотя ты раньше никогда не плакал.

Не встану я. День будет или ночь —
Ты моего не встретишь больше взгляда.
Ни пожалеть уже, и ни помочь
Я не смогу тебе... Но слёз — не надо.

* * *

На этом свете — что скрывать? —
Я был не очень-то послушен.
Не стану страстность отрицать,
Был к женщинам неравнодушен.

На этом свете — я не вру! —
Жил и мучительно, и гордо.
Меня и славили в миру,
И хаяли, и били в морду.

Я всяким был — а как не быть? —
Был молчаливым, был болтливым.
О горе мог на миг забыть.
Смеяться мог и мог любить.
А главное — я был счастливым.

* * *

Если б люди ко мне заглянули во двор
И, случайно увидев мой гаснущий взор,
Посчитали б, что я, словно солнце меж гор,
Угасаю, закончив с судьбой разговор.

Я побыл в Онгуде, и сердце моё,
Встретив девушку, тут же влюбилось в неё.
Хоть давно я живу в Уйпушкене, душа —
Онгудай вспоминает теперь, не дыша.

У неё была дивная, круглая грудь!
Я шептал ей: «Подольше со мною побудь!»
Так хотелось к груди её крепче прильнуть!
«Не забудь, — я себе говорил, — в этом суть!»

Мог ли знать я, что будут потом все друзья,
Говорить, что счастливей всех сделался — я?
Что уста у неё — ароматны, как мёд,
А сама она — птицы крылатой полёт!..

* * *

Прогреты солнцем сопки.

Их бока —

Всё больше тают. Снег в полях чернеет.

Курчавые ликуют облака.

И мне бы — тоже!..

Но душа — тускнеет.

В низинах ещё очень глубока

Перина снега...

Скоро ль прояснеет?

Снега сойдут.

В дороги ляжет грязь,

С водою глину липкую мешая.

Подумать только! Только началась

Весна, тепло нам с летом обещая!..

Живи и жди. И чуя с миром связь.

Терпи, сближенье с летом ощущая...

* * *

Порой, затеяв как-то разговор,
Сосед промолвил, чтобы подчеркнуть:
«Я жил неплохо! Есть и дом, и двор.
Никто меня не может упрекнуть!»

Ну, а другой, спеша всех удивить,
Сказал: «Все деньги скоро загребу!»
А третий крякнул: «Мог ли пропустить
Я хоть одну красотку за судьбу?»

И чтоб от них в успехах не отстать
(Не скрыв свои изъяны, как дурак),
Я распахнул бы память, как тетрадь,
И развернул бы список славы так:

«Сто раз девчонкам я стихи читал.
Взывал к любой — мне душу вдохнови!
Я так страдал!.. Потом стихи писал...
Жаль, не дождался ни одной любви...»

ЖАЛОБА МОЛОДОГО КЛАССИКА

До самой смерти всем нам надо будет
Нужда в еде, воде, одежде, сне.
Не назовут меня ленивым люди —
За всё берусь я, всё течёт ко мне.

Но почему-то всё летит на землю,
И я роняю вещи на лугу.
Я вижу всё, всё слышу, всем я внемлю,
Но ничего доделать не могу!

И по ночам дела мои мне снятся,
От суеты кружится голова.
Всё не решу я, чем мне заниматься —
Писать стихи или колоть дрова?

Соседи смотрят молча с укоризной:
То ли во сне я, то ли — наяву?
Ни для себя пружусь, ни для Отчизны.
Сам виноват, что плохо я живу.
И я твержу — кончай свою дремоту.

Давно пора к делам уж приступить.
Я знаю — надо браться за работу.
Учиться надо.
И учиться — жить.

* * *

Народ кругом твердит, что я бездарен.
На лени не прожить нельзя ни дня.
Труд у людей — для всех, он солидарен,
А мой, выходит, только — для меня.

Зачем же труд мой, если он — ничтожен?
Ведь не напрасно я о нём скорблю.
Сначала стих — в душе родиться должен...
А, впрочем — я кого им удивлю?

«Ты удивишь, когда в карман твой ляжет
Зарплата пастуха. Вот им — и будь!» —
Тебе народ с признавательностью скажет.
И, может, даже — орден даст на грудь...

* * *

«Пока живёте, парни, на земле —
Любите крепко молодых девчат.
Пусть ваши шутки радостно звучат.
Жизнь пролетит — все песни замолчат...»

«Пока, девчата, молодость в душе —
Пускай всех манит ваша красота!
Ведь день придёт — и, распахнув врата,
Придёт к вам старость — дряхла и пуста...»

Я не хотел бы это говорить.
Ведь в юность вновь, как в речку — не нырнуть!
Я постарел уже. И долгий путь
Моей судьбы — назад не повернуть...

* * *

Ну что сказать тому, кто ляжет в гроб?
Родня всплакнёт, убрав с лица зевоту.
А кто-то просто перекрестит лоб
И вспомнит, что живых — зовёт работа.

Когда-нибудь я тоже ведь умру.
(Мы все умрём, как я недавно понял!)
И в дом к себе я близких соберу
Из тех, кто меня знал, любил и помнил.

Кто ляжет в гроб — тому не слышать нас.
Никто ему прервать не сможет скуку.
И он не спросит нас: «Который час?» —
И не протянет на прощанье руку.

Мои друзья за годом будут год
Писать стихи, любить жену и сына.
А тот, кто нас покинет — он уйдёт
На небеса — где тихо и пустынно.

Там стихнут споры, суета и дрожь,
Вокруг ни песен, ни трудов напряжных.
Но встанет солнце или хлынет дождь,
Тебе уже — всё ни к чему, не нужно...

* * *

Жена смеётся — муж ушёл?
Вернётся, не беда!
Коль где-то лучшую нашёл,
Так то — не навсегда!

Куда он денется? Назад
Ко мне вернётся вновь!
Мужей заблудших не казнят —
Их в дом вернёт любовь!

Хоть день гуляй, — скажу, — хоть два
Иль хоть козлом скачи,
Но вспомнишь все мои слова —
Те, что слышал в ночи!

Ты лучшей бабы захотел?
Ну так беги, ищи!
Уже весь высох, похудел,
Забыл, как пахнут щи...

...Смеюсь пред всеми — муж ушёл?
Вернётся, не беда!
Коль где-то лучшую нашёл —
Так то — не навсегда.

* * *

Позвал подругу: — Слышишь? Выходи!

Она сказала: — Ты один иди!

Я ей сказал: — Упрямая, гляди...

Она в ответ: — Послушную найди!

— Ну что ж! — сказал. — Иду я отдыхать!

Она в ответ: — Устал, видно, пахать?

Я ей: — Желаю рано утром встать.

Она в ответ: — Сама решу, с кем спать...

Меня жена гоняет, словно кнут.
Хотя б минутку тихо посидела!
Она шипит: «Ты сильный, как верблюд,
Так что же ты торчишь все дни без дела?»

Её я слушать больше не могу!
Не скажет сроду мужу — полежал бы.
Схватив топор и вилы, я сбегу
Подальше в горы от шипящих жалоб.

А возвратившись, сяду к очагу,
Как будто днём перевернул я горы.
Усталость мышц с трудом преодолею,
Ловя жены ласкающие взоры.

Дымится чай, зовёт к столу еда.
И я доволен — как герой труда!

* * *

Не тревожься, дорогая,
Зря ты взглядом хмуришься.
В моё сердце вдруг родная
Заглянула улица.

В снах моих — черёмух стая
Белым цветом кружится!
Кто там ждёт меня без лени,
Ждёт, не дожидается?

Без меня в родном селенье
Свадьбы начинаются!
Без меня в том представленьи
Пляски разгораются...

* * *

Через наш высокий дымоход
Белый дым струится тихо в небо.
Солнца свет слетает к нам с высот,
Наши дали озаряя слепо.

И среди высоких острых гор
Тех лучей встречают свет алтайцы.
Все с утра выходят на простор —
Ни один в деревне не остался!

Гости тоже едут по домам.
Погостили, говорят — и хватит.
Всех работа ждёт по округам.
Каждый в мыслях уже что-то ладит.

Мои гости — парни, как и я.
День в пути — и доберутся к дому.
Их старушка встретит у ручья —
Улыбаясь всем, словно родному.

Вам известно что-то про неё?
Та старушка — мать моя седая.
Год уже не видел я её...
А когда к ней выберусь — не знаю...

* * *

В том краю, где пенится права,
То луна висит, то светит солнце.
А порою, тучи разорвав,
Хлынет ливень на луга и сосны!

Ничего там сказочного нет.
День за днём проходят понемногу.
Мать моя встречает там рассвет,
Выходя из юрты на дорогу.

Аромат любимой той земли
Не отнимут в буйстве громовержцы!
Нет уловов, чтобы мне вдали
Взять — и вырвать
Родину из сердца...

* * *

Был завклуб я.
Нынче — лесоруб.
Тешат деньги сердце молодое!
Золотой
Любимой вставил зуб
И кольцо надел ей золотое.

Каждый день ел жареный шашлык,
Так что губы быстро потолстели.
Но к шуршанью денег не привык.
И опять — карманы опустели...

Но кого же я не повстречал
Среди буйных склочных лесорубов!
Кто молчал, кто матом отвечал,
Посылая всех подальше грубо.

Я на всех с улыбкою глядел.
Далека ещё покуда старость.
На планете — нынче столько дел!
Без зарплаты как-то не останусь...

* * *

Чтоб не сидеть с душой понурою,
Уйду подальше от избы
И, не томясь литературою,
Примусь искать в лесу грибы.

Себя не муча писаниною,
Плодя на сердце боль и грусть,
Найду в осинах — подосиновик,
А под листовую прелой — груздь.

Моховики, волнушки, белые —
Их знает каждый сибиряк —
Беру рукой их неумелою
И набиваю в свой рюкзак.

Отец мой в лес не бегал с палкою
И над грибами не дрожал.
Не занимался и рыбалкою —
А вот охоту обожал!

Но нынче дождь залил всё полностью.
Поля гниют день ото дня.
Я ж собираю грузди по лесу...
Но дело ль это — для меня?..

МОЙ ВЕРНЫЙ КОНЬ

Мой конь хрипит,
Мой конь всё дальше мчится,
Без передышки через ночь стремится.
Он пересилил
Бурю, дождь и грязь,
И знает, где родная коновязь!

Пусть дождь и ветер хлещут.

Что ему —

Скакать сквозь ночь и сквозь слепую тьму

Туда, где хлев, где тёплый дом, огонь?..

Ведь не осёл же у меня,

А — конь!

О ГИТАРЕ

По струнам сколько пальцами не бей —
Но не родить мне песен, извлекая.
Я бы хотел играть, как друг на ней,
На звуки струн землячек привлекая.

Чтоб успокоить боль в своей груди,
Ищу я слово сладостней нектара.
Но только бочкой ржавою гудит
В моих руках красавица гитара.

Когда бы ею я владел всегда,
Девчонкам был бы повод улыбнуться.
Они бы сразу все пришли сюда,
Чтоб гитаристу тут же приглянуться!

В моих бы струнах пели соловьи,
Струясь девчатам в грудь истомой сладкой.
Ну а друзья — все сверстники мои —
Мою гитару тискали б украдкой...

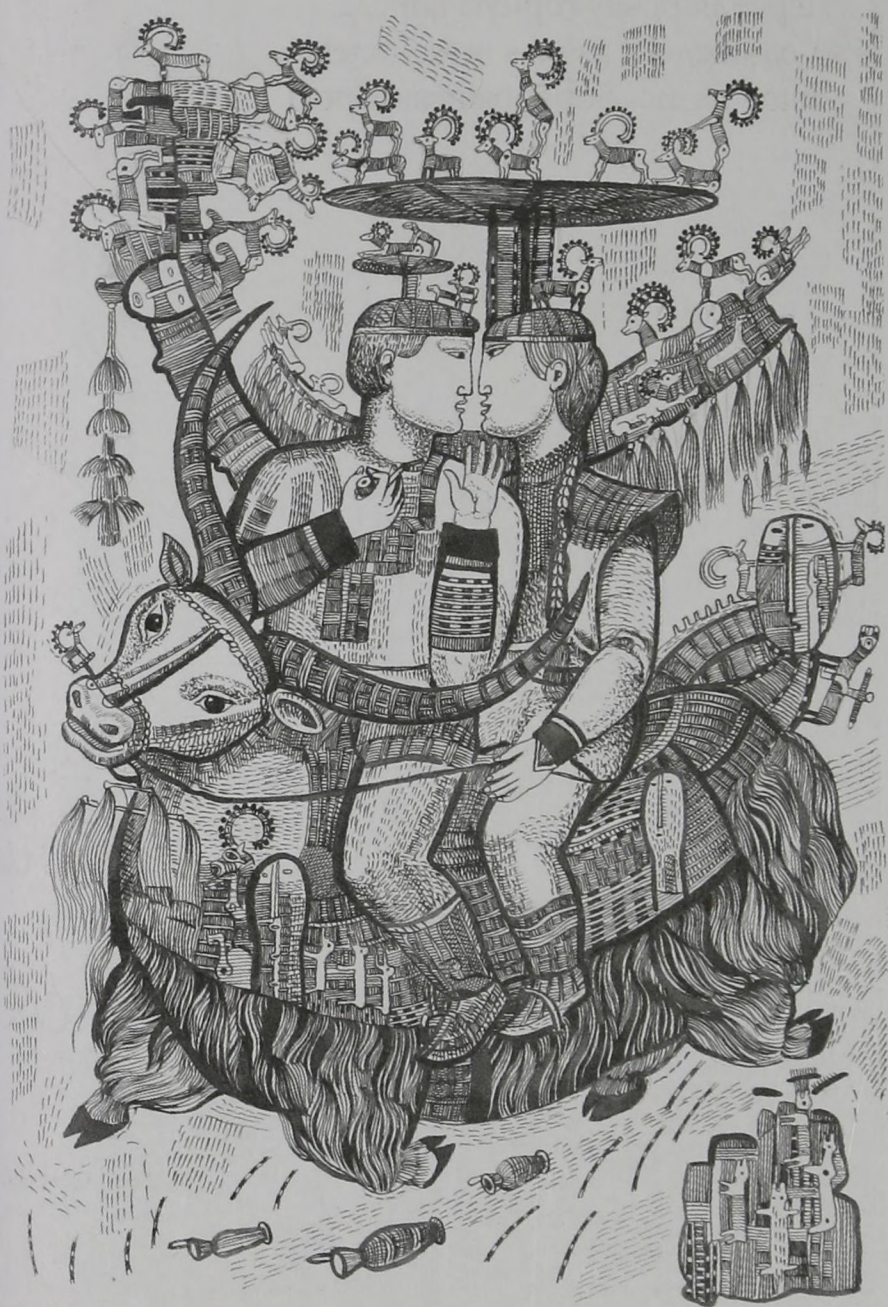
* * *

Хоть стремлюсь и спешу я, как бешеный зверь,
Всё равно открываю заветную дверь,
Говоря себе: «Ты только верь».

Все смеются вокруг: «Ты свой пыл поумерь!»
Все бранятся: «Ты нам тут не нужен теперь!»
Я ж, число умножая потерь,
Сам себя уверяю: «Доверь...»

Ж алтайской
водою умылся

Миниатюры

* * *

Я алтайской водою умылся,
Перейдя речку горную вброд...
А однажды я взял — и женился,
Чтоб разросся Бабрашевых род!

Ясная Поляна

* * *

Наталя Гончарова — стала Пушкиной.

А мне — другая пёзка её снилась!

Сказал: «Бабрашевой —

не хочешь стать, подружка?..»

Она — скривилась.

И... не согласилась.

...

* * *

Ну кто там старость увидал мою?
Кто мне пророчит горе и нужду?
Вчера лишь свадьбу я сыграл свою,
И вот — ребёнка...
С нетерпением жду!

* * *

Не каждый час я радуюсь тому,
Что мне судьба приносит, как подарок.
Пусть день похож на бедную суму,
Но и без денег он бывает ярок!

* * *

Мне девушка сказала: «Погости!» —
Когда мы с ней улыбкой обменялись.
А я сказал ей: «Бражкой угости!» —
И мы с ней оба звонко рассмеялись.

* * *

Где ветерок? Где облака?
Жара буквально всё сжигает!
В моей деревне — грусть, тоска...
Лишь ласточка одна порхает.

* * *

«Легко ль поэтом быть?» — спрошу.

Величье, слава — это мнимо.

Стихи пишу, в любви грешу...

А жизнь проходит молча мимо.

* * *

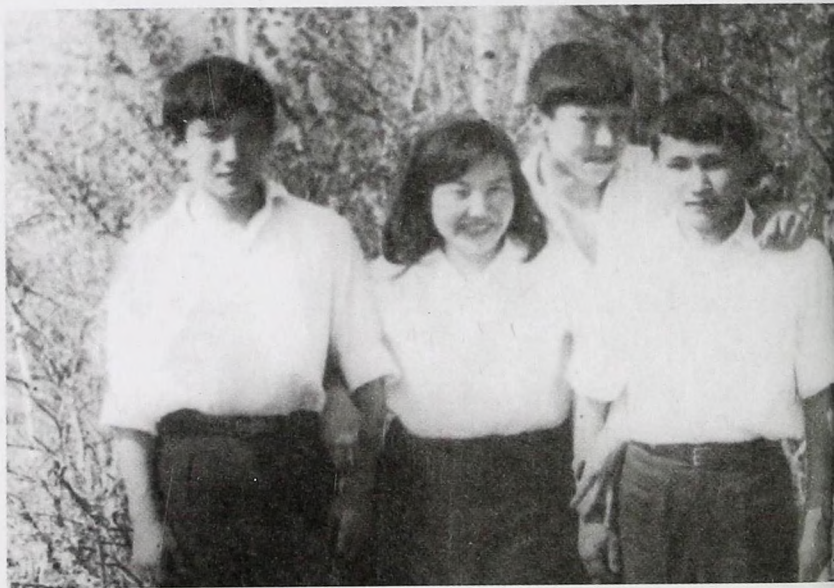
...И хмыкнул я. И повернувшись прочь,
Я двинулся идти домой сквозь ночь.
Она ж с презреньем фыркнула мне: «Фи!»
А что я мог сказать на этот финт?
Её мне «Фи» —
Не надо и на фйг!..

* * *

Ну не смешно ль? Сквозь при десятка бед —
Примчал домой, а девушки здесь — нет!
Хоть вслух реви! Промчался по стране,
А девушка — уехала ко мне!..

* * *

На голове есть волосы, как смоль,
А есть средь них и белые, как соль.
То ль это — юность дремлет в тишине,
То ль старость приближается ко мне...

С Григорием Тобоковым, Татьяной Мадыковой
Борисом Чечегоевым

* * *

Мне скажет кто-то, что завидую я тут
Тому, кто выучен и стал теперь успешен.
Но через год я завершу свой институт —
И ромбик вуза на груди своей повешу!

Литсотрудники газеты Владимир Амургушев
и Владимир Бабрашев

* * *

Меня считают сумасшедшим? Не беда!
Мне важно быть не подлецом перед белым
светом.

Большим начальником не стать мне никогда.
Но будет здорово, коль стану я — поэтом!

Ученик 6 класса

Сергей и Григорий Тукуековы, Валерий Агылд
и Владимир Бабрашев

С другом Павлом

* * *

Я до конца дойду за правду и до дна.
Любую истину я быстро раскопаю.
Все говорят, что им в судьбе — любовь нужна.
А что такое это, я пока не знаю...

* * *

Луну последним провожаю я,
друзья.
Встречаю упрям солнце первым —
тоже я!..

Только приехали. Литературный институт

* * *

С тех пор, как я вкусил впервые хлеба,
Я знаю эту землю, что вокруг —
Её леса, озёра, горы, небо,
Мою избушку и зелёный луг.
Весь этот мир — мне самый лучший друг!..

На родине Великого Толстого

* * *

О нет! В «Ералаш» я попасть не стремился!
Мечты мои — выше. Мираж и кураж!
Я вам не приснился. Не с неба свалился.
Ведь я не простака — я Володя Бабраш!

Заведующий сельским клубом

Одна зима

Поэма

ПРОЛОГ

Мёшпу-Айры — долина, где мой дом.
О ней я в жизни плохо не скажу.
А если где-то встречусь с земляком —
То без приветов я не прохожу.

Зимою долгой, посреди ночей,
Сложил поэму я под свисты вьюг.
Но в ней не спал я жечь позор ничей,
Хоть знаю, сколько злых людей вокруг!

Напрасно кто-то сплетни обо мне
По закоулкам собирал тайком,
Чтоб моё имя очернить вдвойне,
В него со злостью бросив грязи ком.

Я не сложу ни строчки чепухи,
Чтоб не обидеть завтрашнего дня.
Вчера я маме прочитал стихи,
Ну, а она — за них журиет меня:

«К любому делу подходи с добром, —
Она учила, как мне надо жить. —
Ну, а бумагу пачкая пером,
На жизнь сумеешь денег ли добыть?»

Коль ты не можешь подковать блохи,
То будешь жить ты — хуже бедняка...»
...Увы, родная! За свои стихи —
Я и рубля не получил пока.

Но что мне делать? Я всегда такой!
Иду по свету, вызвав только смех.
К чему вокруг ни прикоснусь рукой,
Всё тут же рухнет — мой почёт, успех.

Всю ночь могу читать друзьям стихи,
Страницы книг им до зари листать.
Но если кто-то вдруг зевнёт с тоски —
Я не заплачу. Мне другим — не спать.

Ну что ещё? Всё это — лишь «Пролог».
Я приглашаю за собою вас
Шагнуть скорей в поэму за порог.
Мы — начинаем. Нас зовёт рассказ...

ВЫШЕИНСКИЙ

ВЕСОЮЗНОЕ АГЕНТСТВО ПО АВТОРСКИМ ПРАВАМ
СИБИРСКОЕ МЕЖОБЛАСТНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ВААП

Форма № 6

630099, г. Новосибирск-59, ул. Тру-
довая, 5, ябл 20.ИСК: 6-22-2256
19.11.87Алтайск. край
Шибанского
с Владимиром
Бабрашевым

Уважаемый [аа] Ульяне Алексеевне

От книжного издательства "Заря-Алтайского"
поступил авторский гонорар за произведение
"Книжки Киртуми" в 2-х томах

С авторского гонорара в сумме

произведены следующие удержания: 1780 =

1. Комиссионный сбор 2% 35-60
2. Подоходный налог 833-30

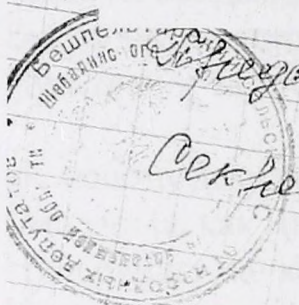
На основании инструкции МФ СССР от 26.11.75 № 109 с сумм
авторского вознаграждения до 500 руб. подоходный налог берется в
размере 60%, свыше 500 руб. — от 61% до 75% и выше.

3. Налог с малосемейных граждан 6%

Всего к выплате 911-10.

Начальник ПФО
СО ВААП

Н-сб., п/о «Коп», 1987, Зак. 1140 Тип. 1500.

* * *

...Я думал, станет красочней земля,
Когда её однажды я оставлю.
Но для неё — хулю я или славлю,
Итог один — те ж избы и поля.

Всё та же всюду синева вершин
Над облаками дышит светом древним.
Нет ни асфальта, ни лихих машин —
Медвежий угол! Тут — моя деревня.

Не приезжай сюда вовеки, друг.
Тут за три дня в тоске ты онемеешь.
Кроме тайги нахмуренной вокруг,
Ну что ещё ты здесь найти сумеешь?

Ни моря нет с высокою волной,
Ни городов, где смотрят в небо шпили.
Чем край пленил людей тут? Тишиной?
Иль горы с лесом их заворожили?

Лишь старикам тут у ворот седым
Сидеть на брёвнах, грея поясицы.
А чем себя занять тут — молодым?
Не убежать ли в сторону столицы?

Вот так и я — туда же, в институт,
Решил умчаться, чтобы там учиться.
Там всё найдёшь! Но вот такой, как тут —
Не встретишь взгляд, что добротой лучится.

Учись всю жизнь хоть до последних дней,
Так и пребудешь лохом поселковым.

Прочесть сто книг — не значит, стать умней,
А лишь Москву увидишь — станешь новым...

...И вот три года я прожил в Москве.
Нет сил дышать. Нет силы улыбнуться.
Народу — тьма! Гудит всё в голове.
Мне тут не выжить! Я хочу вернуться.

Не гул молвы, а шорохи листвы
Ночами снятся, словно запах дыма.
Мёшпу-Айры — ты мне милей Москвы.
О, хоть одну бы провести тут зиму!

Домой, домой! Там все — моя родня.
В ней нет лентяев, нет в ней скупердяев.
Ну, кто тут косо глянет на меня?
В моей родне — не встретить негодяев!

Нежна душою тётка Айылдаш,
Всех рассмешишь, кто забежит к ней в гости.
Словно она — программу «Ералаш»
В своём доме ведёт, как на помосте.

А дядя мой любимейший — Кюзен —
Он наделён умом необычайным —
Таким, что ловит лучше всех антенн
Любую мысль, мелькнувшую случайно.

Любой из вас к нему приди во двор —
И он экзамен вам устроит тут же,
Проверит вас, как сущий прокурор,
А кто запнётся — от стыда затужит.

Пускай к нему хоть Цезарь сам придёт —
Не одолеет! (Это знают гости.)
Жаль, что Кюзен слабеет каждый год.
«Скрипеть, — вздыхает, — стали мои кости».

Не всем дано понять наверняка,
Из-за чего другой всю жизнь страдает.
Как заглянуть в утробу старика?
А там давно его болезнь съедает.

Моя сноха — её звать Иженчи —
Своих коров с утра и к ночи доит.
Всегда молчит. Не плачет, не ворчит.
(Не ездит в город — где сидят врачи.)

А тронь её, и кажется — завоюет.
Знать, и душа, и тело уж болит.
Кто знает — сколько ей пожить осталось?
Ни Бог, ни гений жизни не продлит,
Когда в судьбу к тебе приходит старость.

Муж старшей тётки — дядюшка Бачим —
В себе историй носит чемоданы,
А если сядет с ним и «Анчадала» —
То до утра рассказов хватит им.

Ещё одна есть тётка — Карагыс,
Она готова всех сменить во власти.
Живёт в труде, а сердцем — в правоте,
Но будет надо — власть порвёт на части!

Хоть бригадир, хоть председатель сам —
Он и мизинца тётушки не стоит.

Нам надо вместе крикнуть небесам:
«Ей дайте власть — она страну построит!»

Ну, а зайдёшь ты к тёте Казанчи —
Тебя за стол она усадит тут же.
Как говорится — всё на стол мечи! —
Не увильнёшь от полных блюд и кружек.

Неловко даже заходить к ней в дом.
А не зайдёшь — обидится до смерти.
Мол, мы тебя тут дни и ночи ждём,
А ты птвердишь всё — я приду, вы верьте.

Ну, а придёшь к ней — и считай, пропал,
Ввинтившись тут же в долгую беседу.
Вмиг проходило время до обеда,
А там и вечер следом наступал.

Тут есть ещё один родной старик
(Других таких мне не найти на свете!),
Ругал меня он часто за язык —
Мол, в голове моей гуляет ветер.

Но как посмею я о нём забыть?
Зайду же завтра, чтобы повстречаться.
Прижмём друг друга. Разве радость скрыть?
И он простит мне все грехи от счастья...

* * *

...Шагну во двор — и тут же задохнусь
От чистоты и хрусткого мороза.
«Тут все родное» — вздохну. И улыбнусь,
Смахнув с ресниц непрошеные слёзы.

От звёзд искрится неба синева,
Поют деревья, словно ангелочки.
В душе роятся нежные слова,
Но только — как мне уложить их в строчки?

Хлев покосился, постарел сарай,
О чём стихи тут сочинять поэтам?..
Но мир вокруг — сияет весь, как рай,
Залитый лунным драгоценным светом.

Гляжу на дали — и душа поёт.
(Даже взбрыкнуть охота, как телёнку.)
Как хорошо! Как ясен небосвод!
На память снять бы, как на киноплёнку.

Вся молоком наполнена луна.
Такая ночь — не описать словами!
Сверкает снег. Уснула тишина.
И только свет струится меж стволами...

* * *

...Зашёл я к брату старшему. Он зол,
Сидит угрюм, и видно, что не в духе.
Его характер, знаю я — тяжёл,
Он не выносит всяческие слухи.

Ещё чуть-чуть — и в шею бы прогнал,
Но хорошо — жена остановила.
Зато чуть выпьет — тут же генерал! —
И всё отходит, что его томило.

Он веселеет, в дом зовёт народ,
Вещает всем, как будто он — оракул.
А за стеной — корова, как завод,
Приносит вместо молока — араку.

Народ смеётся. Люди говорят:
«Как хорошо, что здесь собрались гости».
А брат доволен: Он веселью рад.
Нет ни следа его недавней злости.

Таких хозяев трудно отыскать,
Чтоб целый день всех угощали щедро.
Сильнее ветра льётся выше кедра
Над домом песня... На два километра

Плывут слова, весь мир стремясь ласкать.
Сноха, прикрыв слегка свои глаза,
Плетёт рассказ, затейливей узоров.
А над столом порхают голоса,
В себе сплетая нити разговоров.

Сноха хлебнула сладкого вина.
То встанет с места, то присядет снова.
А песня вновь над крышею слышна,
Хотя нельзя в ней разобрать ни слова.

«Жизнь хороша!» — сказал в стихах поэт,
Чтоб это понял каждый первоклассник.
«Жить хорошо!» — откликнулся весь свет,
Встречая жизнь, как ежедневный праздник.

Жаль только, зятя я не вижу здесь.
(Он любит пруд, не увлечён сивухой.)
А вот сестре — той нравится присесть,
Попить-поесть, и быть слегка «под мухой».

Всех угостит, кто будет под рукой!
Мол, чем богата — всё вам дать и рада.
А муж её — тот позабыл покой,
Ему всё время что-то делать надо.

А вот родной мой дядя Санабай.
Лишь заносу я над порогом ногу —
Уж сыплет шутки... (Ох и краснобай!
Сколько живёт — он шутит всю дорогу.)

«Тут слух прошёл, что ты вернулся в дом,
Мол, заскучал без дорогого места.
А я всё помнил о тебе — худом,
Каким тебя я видел до отъезда.

Но ты, я вижу, толстый стал такой,
Знать, хорошо тебя Москва кормила...» —

И вмиг он шею мне пригнул рукой,
Так что видна мне спала его сила.

Ну как поверить в то, что он — старик?
Хоть голова его вся поседела,
Он на себе способен грузовик,
Тащить, коль это будет надо сделать.

Ну, а жена спешит нести к столу
То чайник полный, то кувшин с аракой.
Пылает печь горящая в углу,
За дверью с чем-то возится собака.

Я посмотреть на стол уже боюсь,
Где места нет от чаш и разносоля.
«Я так сопьюсь», — пред дядей я смеюсь.
Но разве мной придумано застолье?..

* * *

Так прохोдив неделю по гостям,
Я навестил своих родных и близких.
Воздали речь властям и новостям,
Перед собой меняя чашки, миски.

С утра струится снег сияньем с крыш.
Зима стоит над белою страной.
Мать упрекает: «Дома не сидишь!
Хоть б часок поговорил со мною».

А снег лепит, как бабочки с высот,
То у окна закружится, то схлынет...
Мать кормит скот. Ну а в груди сосёт
Тоска мне душу, что от снега стынет.

Может, араки я здесь перепил,
Которой все меня тут угощают?
Обычай этот всем с рожденья мил.
Не станешь пить — такого не прощают.

Мне одиноко. Оттого — тоска!
И от неё пить станешь против воли.
Лишь горы тут, тайга и облака
Тебя сжимают, как писки до боли.

Болтать, смеяться не с кем стало здесь.
Нет ни парней, ни молодых девчонок.
В Мёшту-Айры — лишь снег вокруг да лес.
Хоть напролёт всё время куролесь
Или араки выпей тут бочонок —
Все разбежались. Не найти принцесс.

Нет холостых в окрестности бабёнок.
Когда же лето в этот край придёт —
Здесь так легко и весело наступит!
Я бы взлетел от счастья в небосвод.

Мне мир и гор, и леса стал доступен.
Я так люблю косить траву на косогорах!
Рука косой, не уставая, машет.
А у девчонки рядом — на губах

Горит улыбка и игриво пляшет.
Ну, а в конце прокоса, у берёз,
Глотнёшь араки крепких два глоточка —
И под порханье радостных стрекоз
Сам на руках с восторгом бы унёс
От всех девчонку с простеньким платочком.

Или гурьбой с ребятами в рядок
Пойти траву выкашивать в ложбине,
А после сесть на травку в холодок,
Спиной прижавшись к тоненькой рябине.

Тут ни косу тупой не назовёшь,
Ни молодёжь в лентяи не запишешь...
Кипит работа. Бьётся в жилах дрожь.
Пока ты косишь — ты живёшь и дышишь.

Взмахнёшь косою — и лежит копна.
Плодятся копны, точно в небе звёзды.
Жизнь хороша! И нам она дана
Как лёгким — воздух и как птицам — гнёзда,

И как вино — к произнесенью поста.
...В Мёшту-Айры в прошедшие года
Так много было летом молодёжи.
Никто из них не рвался в Крым тогда —
Домой спешили, в сердце радость множа...

* * *

И вот я дома со своей семьёй,
Тут — Кожончи (сестра моя) и мама.
Пьём чай солёный, льющийся струёй,
Вкуснее и целебнее бальзама.

Сынок сестры, что на её руках,
Не говорит со мной, а только к маме
Плывёт, как светлый ангел в облаках,
И всё усердно тянется руками.

А мать с сестрой ведут свой разговор
О лошадях, коровах, сенокосе,
О том, как лучше вышить им узор,
Что надо дать младенцу при поносе.

А я подумал: если бы в аил¹
Ко мне под вечер странник вдруг явился —
О чём бы я тогда с ним говорил?..
Да и откуда б тут он появился?..

Однажды к нам сноха Куучинчы
Пришла, и мать с собою поманила.
А я остался дома, и в ночи —
Вдруг распахнулась память, как могила.

Я знал подругу, что к моей снохе
Издалека сейчас явилась в гости.
Когда-то я писал о ней в стихе
И её имя резал на берёсте.

За то, что мы гуляли допоздна,
Ругали нас родители обоих.

И оставалась взаперти она,
Чтоб не навлечь отцовские побои.

Но шёл я снова к девушке Кымыс,
Хотя меня и гнали от порога.
Нет, я не скис, и как в курятник лис,
Меня вела к двору её дорога.

Ну, а когда уехал я в Москву,
Её семья жить спала в Онгудае.
Увы! Туда — не взмыть по волшебству
И не домчать со звоном на трамвае.

Я слышал — замуж вышла там Кымыс,
И стала дамой выглядеть солидной.
И вдруг её я встретил — вот сюрприз! —
Она такую стала миловидной.

Кымыс смеялась раньше каждый час,
Ну, а сейчас — предстала мне серьёзной...
«Ты всё такой же... строен и вихраст...
Жаль, наша встреча состоялась поздно».

И мы пошли по нашей с ней тропе —
Той, где вдвоём гуляли мы когда-то.
«Давай зайдём, погреемся, к тебе.
Жить одному, наверно, скучновато?..»

«Нет, — я сказал, — мне некогда скучать,
Над чашкой чаю я тут не скучаю.
Всё, что вокруг, мне надо примечать —
Ведь я себе поэму сочиняю.

Жаль, что моя поэма не полна.
Без чувств моя история в ней — тает.
«История?» — воскликнула она.
«Ну, да... Любовь... Её мне не хватает».

Мне так хотелось, чтоб она в ответ
Глазами вдруг отчаянно сверкнула...
Но зря я это выдумал, поэт!
И мне Кымыс мою мечту вернула:

«Женись, поэт. Ведь стыдно на виду
У всех людей жить без семьи на свете.
Давай невесту я тебе найду?
Быть одному печально на планете».

«Ну что ж, найди, — сказал я, перебь,
В своих руках пустые рукавицы. —
Только найди для этого — себя.
Ведь на другой я не хочу жениться...»

Вот так промчалась вереница дней,
И пут Кымыс домой засобиравалась.
Мне бы вдогонку броситься за ней,
Да только в сердце — силы не осталось.

Когда б я знал, что птицей вдалеке
Ты улетишь — то лучше бы вовеки
Не приезжал сюда я, и в тоске
Не изнывал, как подо льдами реки!

Душа, как сцена. Толстый холст кулис —
Её скрывает, чтобы не обидеть.

Когда сюда приехала Кымыс,
Её мне лучше было бы — не видеть.

Вы полагали, ей там тяжело?
Ей без меня там весело живётся!
Вот и меня, как искрою, прожгло,
И отошло, и сердце вновь смеётся!

Так кто ж решил, что на родной земле
Я замолчу, как всхрипнув, радиола?
Лишь покажись молодка на селе —
И я схвачусь за край её подола!

...Но вновь: «Кымыс, Кымыс, одна Кымыс», —
Кричит душа, как в плаче об Отчизне.
Словно штормами выпущенный мыс,
Стою один я в океане жизни.

А что же скажут люди обо мне?
Как будто нет другого разговора.
Я день и ночь сгораю, как в огне,
То ль от укора, то ли от позора.

Всё о Кымыс, о ней одной пишу.
Пером перзаю толстые тетради.
Над каждой строчкой трепетно дышу,
Её дыханье слышу, вижу пряди.

От этих строк ничуть не легче мне.
Душа покой безудержно теряет...
Пишу — и рву. И всё горит в огне.
А предо мной — моя Кымыс сияет.

Её улыбку вижу, губы, бровь.
Готов с досады, как дитя, заплакать.
Такая вот пришла ко мне любовь!
Неужто, правда — разводить мне слякоть?

Вот куры зёрна весело клюют —
Их тут мы угощали вместе.
Из труб летели искры, как салют,
А мы болтали о моей невесте.

Ах, мне б уехать! Или — улететь
Куда-то в горы, чтоб как можно выше.
Чтоб сбросить сеть тоски и захмелеть,
Любуясь снегом, что укутал крыши.

В хлеву корова бьёт копытом в пол,
По небу капит звёздная телега.
Вокруг луны сияет ореол,
Ну, а земля вновь ожидает снега.

Когда бы в доме не имелось книг
Поэтов Пушкина, Есенина, Рубцова,
То я давно бы от унынья сник,
Как из гнезда свалился вдруг ппенцова.

Мне не хватает песенных слогов,
Но не найти таких до самой смерти.
Без их щемящих, ветреных стихов —
Я тут бы умер в снежной круговерти!

Им было тоже очень нелегко.
Вплоть до сегодня эта память жжётся.
До звёзд и неба всем — так далеко...
Но мы живём, пока нам здесь живётся.

* * *

Мне в полусне пришёл раз Эркемей —
Весёлый дед, улыбчивый и хитрый.
И я подумал — он меня умней,
Пойду к нему, я с ним все боли выпру.

Он будет мягко говорить полдня,
Внушая мне, что я большой писатель.
«Но так ли всё? — он спросит вдруг меня. —
Но вправду так ли всё кругом, приятель?..»

Я помню, как-то он с моим отцом
Сцепился вдруг, насколько хватит мочи.
И кто из них сильней владел словцом —
Так и не смог я оценить до ночи.

То о деревне спорят, то зверей
Перечисляют живших по долинам.
Иль вспомнят древних вдруг богатырей,
О ком слагались некогда былины.

То слёзы пустят, помянув их смерть,
То запоют над их былой победой.
Ну как же им из памяти стереть
Рассказ о битве, песнями воспетой?

«Богатыри — не могут умирать! —
Начнут они доказывать мне оба. —
Чтобы врагов однажды покарать,
Они вернутся к нам, восстав из гроба!»

Отец поднимет голову ко мне:
«Где наша книга о делах былинных?

Найди её. И завтра в тишине
Прочтёшь мне сказ о битвах исполинных».

Я вспомнил детство давнее своё,
Рассказы старших, льющиеся сказки.
Отец и мать, да тёплое жильё.
А в праздник — песни, пиршество и пляски.

Отцовы руки — камня тяжелей.
Пожмёт ладонь — аж затрещат суставы!
Но для меня их не было милей,
И я в них чуял силы дух и славы.

А брат мой средний — на кого похож?
Он мускулист. И борода к тому же.
Его и в шутку вдруг не потревожь,
Не то узнаешь, что такое — дюжий!

А младший брат — он молчалив и тих,
Всё время дома, и гулять не ходит.
Привык к коровам, и весь день средь них.
Ну, а с весны — всё больше на природе.

«Коль хочешь знаний — то езжай в Москву, —
Сказал он мне. (А сам — не улыбнётся.) —
А мы тут косим для коров траву.
Знай — человек лишь в деле познаётся!»

Понять непросто брату, для чего
Я рвусь всё время из земли родимой.
Марать бумагу — дело не его,
Ему б работой жить неупомимой!

«Парней немало едет в институт,
Чтобы потом с дипломом возвратиться.
И что с того? Опять ишачат туп.
Не всем дано учёным становиться».

Что возразить на этот разговор?
Сидеть, краснеть, иль становиться в позу?..
Уж лучше вилы взять или топор,
Да что-то сделать — труд всегда на пользу...

...Вчера под вечер, сидя у огня,
Я размышлял, тихонько усмехаясь,
И туп быстрее горячего коня
Вбежал Кюзен, мой дядя, задыхаясь.

«В окрестный лес вошли вчера козлы.
Ты будешь гнать, а я в засаде стану.
Лишь чащи упрям станут чуть светлы —
Бей по деревьям, как по барабану.

Кричи, ори, чтоб ни один козёл
Не увернулся от моей засады...»
Не знаю, как уж всех он обошёл —
Но мы пошли с утра. И были рады.

Кто отпуск взял, чтоб навестить родных,
А кто домой приехал в дни каникул —
Всех дядя рад был видеть молодых,
Кого вчера он на охоту кликнул.

«Горланьте громче, — всем он наказал, —
Чтобы вспугнуть животных вашим басом.

Уж хоть козёл там будет иль коза —
Я не промажу. Все мы будем с мясом!»

И сел он ждать с ружьишком возле пня,
А мы пошли, чтоб гнать козлов из чащи...
О, как орали мы в лесу полдня,
Бродя в снегах, под соснами кричаще!

Всё прочесали... Нет там никого!
Но дядя верит. «Вы, мол, только ждите.
Залезьте выше. А потом их с гор —
Своим горланьем на меня гоните».

Полезли в гору. Скользко по камням
Вверх подниматься... Но бреду упрямо.
Иду вперёд, не замечая ям.
Скорей бы эта завершилась драма!

А дальше — вниз! По склону! Эге-гей!
Со свистом, с криком мчусь сквозь чащу быстро.
Горланю, будто в клубе диск-жокей.
И, наконец-то — раздаётся выстрел!

«Знать, будет мясо!» — восхищаюсь я.
Но вслед за этим слышу с косогора,
Как дядя мой в засаде у ручья
Всю молодёжь ругает без разбора.

Он снова учит, как нам надо гнать
Козлов, которых мы не увидали.
Он говорит, куда кому бежать
И чтобы леса мы не покидали.

В тайге

«Ум в голове имеешь или нет?»

«А что такое?» — я не прячу взгляда.

«А что, а что!» — он дразнится в ответ.

«Да то, что ты кричал не то, что надо!»

Затем он снова гонит в горы нас

Искать козлов — что и в помине нету.

Ну что нам делать? И за часом час

На весь Алтай горланим мы куплеты.

Как гончих псов до ночи по горам

Гонял нас дядя, как штрафную роту.

Кто синяки набил, а кто-то шрам

Себе об острый камень заработал.

Нет, на охоту хуже гончих псов

Бродить в лесу не буду больше диком.

Зачем тревожить жителей лесов

Своим дурацким и ненужным криком?

А если дядя вновь заговорит

О предстоящей в будущем охоте,

То я скажу в ответ, что гайморит

Мне не даёт участвовать в походе...

Так я и жил в деревне той зимой,

Где мимо окон будни проходили.

Родные люди рядышком со мной

Даря тепло, со мной всё время были.

Будь ты хоть всеми признанный поэт,

Хоть на весь мир прославленный профессор,

Или певец, объехавший весь свет,
Но пы — к земле привязан, как подлесок.

На этом я и кончу свой рассказ
О близких людях и деревне милой.
Я, как сумел, путь изложил для вас
Всё, что со мною той зимою было.

Об остальных же людях и годах,
Скрипучих вьюгах и раскисших вёснах
Я расскажу вам в будущих стихах,
Что надо мной витали в высях звёздных.

Мне ни к чему за словом лезть в карман.
Я жил меж вами. Вы же — не скучайте.
Вот перед вами первый мой роман.
Точней — поэма. В ней душа... Читайте...

Перевёл с алтайского
Николай ПЕРЕЯСЛОВ.

¹ У киргизов и алтайцев в прошлом посёлок кочевого или полукочевого типа, обычно состоявший из родственников различных степеней. У алтайцев аилом называлось и отдельное жилище (юрта или чадыр...) с усадьбой. — (Н.П.)

О творчестве,
о жизни

Студент первого курса Литературного института

СУДЬБА ПОЭТА

Владимир Васильевич Бабрашев родился 11 декабря 1948 года в маленьком селе Уйтушкен Шебалинского (ныне Чемальского) района. Первые стихи появились на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны» в школьные годы. Он любил поэзию А. Пушкина, С. Есенина, Н. Рубцова. Жил вдохновением всегда – и когда учился в Горно-Алтайском педучилище на физкультурном отделении, и когда был табунщиком, строителем, трактористом, заведующим сельским клубом. Этот путь поиска своей судьбы в те годы проходили все сельские юноши.

«Вырвавшись» из деревни, Володя стал работать корреспондентом областной газеты «Алтайдын Чолмоны», и тут ему посчастливилось несколько месяцев жить в семье поэта Лазаря Кокышева. По его наставлению в 1973 году Владимир поступил в Московский литературный институт им. А.М. Горького. Он выбрал творческую мастерскую поэта Егора Исаева и начал готовить свою первую книгу, рукопись которой, к сожалению, долго «держали» в издательстве.

Первый сборник стихов В. Бабрашева вышел в 1998 году, благодаря стараниям младшего брата Эдуарда. Сборник обозначил новый уровень в развитии алтайской литературы – пришёл новый автор, удивительно сочетавший подлинное народное слово и интеллектуальную образованность. Высокий уровень и утончённый дух русской классики придали стихам Бабрашева ярко-лирическую проникновенность и своеобразную музыкальную тональность.

Известность пришла к нему ещё в студенческие годы, стихи «О луне», «Матери», «О брате», размышления о малой родине, о судьбе этноса читатели знали по газетным публикациям. За словом стоит его душа

Дорогой Володя!

— Как ты поживаешь в это суматошное время? Давно не виделись. Надеюсь ты мил-здоров и силен на творческие подвиги.

— Я прочел и порекомендовал тебе хоро-
ший стих ради уведомления об мне
маленького поэта Владимира Бабрашева.
Я знал его. Был весьма одаренным
человеком, тихим и скромным. Мне,
тоже его небы, и даже бы он теперь имел
бы ряд соборных сборников стихов
и даже бы стал членом СП России.

— Его брат — Эдуард Бабрашев —
нынешний директор Турно-Алтайской
республиканской типографии. Попро-
шу всем приветствовать его за то, что
он решил вознестись на большой свет
первую книгу брата своего.

— Ты очень художественный человек.
Стихи хорошие. Сам убежденный.

— Эдуард Бабрашев за перевод стихов
брата тебе оплатит honorar. Ты сам до-
говоришься, дорогой, с Эдуардом (Васильевичем)
Бабрашевым. Вероятно, он сам скажет свое
слово, написав тебе не маленькое.

Обнимаю.
Твой брат Укачин

Мой адрес:

659700, Турно-Алтайск,
Коммунистический пр-д, д. 25, кв. 18, док. тел. 46-59
Мне.

Письмо Б. Укачина Владимиру Башунову

с желанием сделать очень много доброго друзьям, братьям, сёстрам и всем-всем, кто его окружал, с кем он жил в радости.

Невозможно представить, сколько бы он ещё написал, но жизнь поэта оказалась трагически короткой. Он ушёл от нас в 1977 году. Но поэзия его продолжает жить и сегодня. Русскоязычные читатели узнают о поэте Володи Бабрашеве по переводам Владимира Башунова, Алексея Куладжи, Лилии Юсуповой и некоторых других. И вот сегодня к читателям выходит его лучшее произведение – лирическая поэма «Одна зима» в переводе на русский язык московского поэта Николая Переяслова.

«Раскрыть бы душу людям...»

В.В. Бабрашев родом из маленького таежного уголка Чемальского района – Уйтүшкен, он учился в Бешпельтирской школе и с девятого класса писал стихи. Мать поэта Ульяна Алексеевна Тобокова из рода комдош была известна как самобытная, даровитая рассказчица, которая с детства внушила сыну любовь к поэтическому слову. После окончания физкультурного отделения Горно-Алтайского педагогического училища работал учителем в Кош-Агачском районе. Затем работал корреспондентом в областной газете «Алтайдын Чолмоны». В начале 70-х годов прошлого столетия в Горно-Алтайске активно работает писательская организация Союза писателей РСФСР. Судьбоносной оказалась для В.В. Бабрашева его встреча с Л.В. Кокышевым, он жил на квартире у знаменитого поэта и именно Л. Кокышев впервые увидел и отметил его талант, предсказал, что он должен посвятить себя поэзии.

Молодой человек, ярко одаренный от природы, с чрезвычайно богатым, образным, метафорическим языком попадает в среду алтайской интеллигенции, где ведутся оживленные споры о языке, культуре коренного народа. Естественно, имея такой багаж знания фольклора, впитанный с молоком матери, с другой стороны, попав в среду журналистов, писателей В. Бабрашев начинает быстро расти в интеллектуальном плане. По рекомендации Л. Кокышева он поступил в Литературный институт имени М. Горького на заочное обучение, посещал творческий семинар поэта, переводчика, публициста Е. Исаева. В. Бабрашев прожил яркую и короткую жизнь, но оставил заметный след в истории алтайской литературы XX века. Двадцать восемь лет – а именно столько прожил Владимир Бабра-

шев — слишком малый жизненный срок, чтобы успеть оставить воспоминания. Можно сказать, что поэзия В. Бабрашева есть лучшее воспоминание о нем самом. При жизни поэта не было публикаций, отдельные стихи выходили на страницах газеты «Алтайдын Чолмоны». В. Бабрашев на алтайский язык перевел стихи Кайсына Кулиева: «Сон, счастливый сон приснился мне...», «Жизнь прожить...» и др. Стихи В. Бабрашева на русский язык перевели такие поэты как А. Куладжи, Л. Юсупова: «Горы, опушки, леса неизвестные...», «Опять ни с чем я, мама дома...», «Приди единственное слово...», «Самые щедрые, друг мой хороший...», «Иная у отца теперь обитель...», «Что бы не было, брат, я не знаю...» и др.

Брат поэта Э.В. Бабрашев — директор Горно-Алтайской типографии подготовил и издал два поэтических сборника: в 1986 г. «Бир кыш» (Одна зима), в 1998 г. второй — «Јүрегим улуска көрүнгедий болзо...» (досл.пер. — «Увидели бы люди мое сердце» или «Раскрыть бы душу людям»). Название сборника на русском языке дается как «Мерцание звезд далеких...», книга проиллюстрирована гравюрами талантливого художника М. Бабакова.

В. Бабрашев создает не только стихи, но в то же время работает над такими жанрами как поэма. Главная тема творчества определилась у В. Бабрашева сразу и навсегда — это тема Алтая, Горного Алтая. Поэт ощущал генетическую связь с местом рождения, как пишет поэт: «обычное место, ничем не примечательное» и поэтически это он осмыслил так: «Төрөл јерим ады-чуузы јок» («Ничем земля не славится моя»). Это скромная красота сосен, берез, молодых лиственниц и маленькое селение в окружении леса, где постоянно идут дожди: Все серо глазу. Праздника не жди. / Вершины, тропки, лес — одно и то ж. / То дуют вьюги. То

идут дожди.../ Но как же сердцу этот мир хорош! / Земля моя! Ну кто еще, скажи, / Тебя полюбит сердцем, не тая?.../ Вершины, тропки, лес... Чижи, стрижи.../ Край ненаглядный! Родина моя! (пер. Н. Переяслова).

Каждый природный объект он осмысливал по-своему. И место своего рождения – маленькое село Уйтүшкен, черемуху возле калитки отчего дома, старую ступу (эски бут сокы) он тоже считал сакральным. Следует отметить глубину философских размышлений поэта в стихах «Сүүнетен кўндер кўнүн ле эмес», «Бу кўндүү жок ишти тайайын калак», «Алдык та дешесе, көрүп жүргемде» и др.

80-е годы XX века – время экспериментов в алтайской литературе, многие писатели обращаются к восточной теме, к дискретным формам, к древним формам алтайской поэзии. В. Бабрашев также обратился к такой форме: 28 стихов этого сборника написаны четверостишиями, поэт обращается к восточному виду – рубаи. Известно, что это емкая форма, хорошо пригодная для сжатого, афористичного высказывания философских сентенций, равно как и любовных признаний. Неповторимую красоту и своеобразие четверостишию В. Бабрашева придает не только рифма, но в первую очередь, их фольклорная основа. Это краткая форма выступает как самостоятельная миниатюра, где главенствует законченная мысль:

О нет! В «Ералаш» я попасть не стремился!

Мечты мои – выше. Мираж и кураж!

Я вам не приснился. Не с неба свалился.

Ведь я не простака – я Володя Бабраш!

В. Бабрашев в своем творчестве продолжил жанр юмористического и сатирического, открытый в алтайской поэзии Л. Кокышевым: «Клубтын ижин өрө көдүрер» (букв. пер. «Работу клуба поднимем»), «Уда-

бас јеристе тенеќтер јок болор» («Скоро не будет глупцов на нашей земле») и др.

Хочется остановиться на поэме «Бир кыш» («Одна зима») — в основе которого присутствует осмысление мира, истории, времени. В. Бабрашеву легко дается эпическое в поэзии: живые, конкретные реалии времени, характеры людей, диалоги. В поэме «Бир кыш» особое место занимает образ луны, снега и, как следствие этого, — пространственная вертикаль. Образ луны, снега — сквозные символы поэмы, которые усиливают и развивают образ мятущейся души человека. Снег по Бабрашеву пахнет, перехватывает дыхание, дает настроение. Этот образ снега содержит множество смыслов: чистоты, обновления и возрождения души, также знак и света, и добра, и детского задора. Все, что связано с этим образом, входит в круг самых дорогих его этических ценностей. Цветовая гамма снега многоцветна: белый, голубой, синий, зеленый и характерна для флоры Горного Алтая.

В. Бабрашев варьирует характерные для национальной культуры (фольклора, литературы) мотивы, составляющие как бы «традиционное для эпоса поле», лежащее в основе эпического мира. Одним из распространенных приемов романтической литературы при передаче настроения, чувств героев выступает описание их жизни, поступков и мыслей на фоне природы и в слиянии с ней. В романтических произведениях «...жизнь природы и жизнь людей близки друг другу» (1, 65).

Известно, что в романтической художественной системе выработалась устойчивая оппозиция «своего» и «чужого» мира. «Своя» земля для поэта — это конкретное географическое обозначение Чемальского района — урочища «Мöштү-Айры» («Кедр на развилке»). Название «Мöштү-Айры» символично, поскольку

ку выражает нравственные искания героя, он разорван между двумя мирами: Москвой, где он учился и маленьким, родным уголком – «Мöштү-Айры». Вероятно, развилка означает душевное раздвоение поэта, рана в его душе ведет к расколотости сознания. Противоречие между культурой и цивилизацией является причиной размышления для современного человека. Предметный мир поэмы составляет «десять маленьких домов, десять маленьких аилов», за время отсутствия поэта ничего не изменилось на родине. Автор использует эффект отстранения (три года прожил в Москве) для того, чтобы более четко показать разницу между столицей и малой родиной. Антитеза в композиционном, в лексическом, интонационно-эмоциональном выражении является одной из особенностей поэтики В. Бабрашева.

Сюжет текста начинается с изображения «своей» земли, родины – «Мöшту-Айры» («Кедр на развилке»). Мир в поэме представляется как локально ограниченное и замкнутое пространство: со всех сторон горы неприступные и таежная чаща. Такое описание пространства вызывает чувство защищенности, оберега, а не закрытости и плена. «Своя» земля в поэме «Одна зима» описывается как территория, принадлежащая герою – это место, где испокон веков жили и живут его соплеменники. Автор с чувством умиления и мягким юмором замечает, что это место более подходит медведям, чем людям. Тем не менее, «Мöштү-Айры» – это мир счастливого состояния с особенной атмосферой нравственного благополучия и расположенности к добру, где лирический герой с детства сказочно мечтал удивить окружающих. Автор соглашается с тем, что действительно здесь кроме тайги ничего нет, ни «моря с прибоями», ни «великолепных дворцов», притягива-

ющих народ. Но именно на «своей» земле лирический герой счастлив «до слез», ему уютно, хорошо.

Противоположным «чужим» миром в поэме В. Бабрашева «Бир кыш» предстает Москва. Если в «Мöштү-Айры» все органично, то Москву мы видим через призму восприятия героя. Москва – это место его временного пребывания, в этом пространстве герой ощущает себя неуютно, нехорошо.

Фольклорист Б.Н. Путилов в своем исследовании отмечает, что «чужая» земля в героическом эпосе – это обычно средоточие зла для «своего» этноса» (2, 23). В противовес эпической картине «своей» земли автор дает описание суеты, толкотни столицы, сравнивает ее с муравейником. Автор отмечает, что Москва «в сто раз красивее», чем Мöштү-Айры, но эту внешнюю красоту, лоск герой не воспринимает, поэтому он спасается бегством, которая оборачивается ситуацией возвращения в родные места: *Јеримнен Москва јүс катап јараш, / Је мöштү-айры Москвадан јакшы. / Эх, кайран јерим – ыйлайын та јок? – / Кыштайын бого јүк бу бир кышты.*

Далее в поэме «Бир кыш» автор раскрывает характеры персонажей, такое ощущение как будто ходит с камерой и представляет крупным планом то одного, то другого героя. В тексте встречаемся со значащими именами героев: сестры Иженчи (Надежда), Казанчы (Повар), Куучынчы (Разговорчивая) и другие. Автор в каждом герое с юмором отмечает ту или иную особенность характера: в образе дяди Кузен – это природная сила, ум, находчивость, он может поспорить хоть с римским правителем Цезарем, тетя Иженчи обаятельна и красноречива, как «гений», дядя Бачым отличается сказительством, тетя Каракыс тверда, отчаянна, если бы ей дали волю, поменяла бы даже «власть». При этом В. Бабрашев подчеркивает детскость их души,

чистоту внутреннего мира, теплоту родственных отношений, приводит народную мудрость: Албаты-јоны ѳезеи тѳрѳѳн,/ Тѳрѳѳндѳ кижѳ алдырар беѳи – Человек, имеющий родственников, не пропадет, не исчезнет бесследно. Пословиная мудрость универсальна: она отражает народную систему этических ценностей, веками создававшиеся представления. Человек, в понимании Бабрашева, противостоит всем жизненным трудностям, соответствует изначальной природе человека светлой и гармоничной. В поэме все женские персонажи: Айылдаш, Иженчи, Каракыс, Казанчы, Куучынчы – непоседливые старухи, которые вставали с солнцем, шли и работали по солнцу, все у них в жизни было по порядку.

Присутствие всех персонажей поэмы в этом мире в том, что они гармонизируют это пространство. Особое обаяние поэме придает тонкое чувство юмора автора: умение лаконично и точно нарисовать убедительные психологические типы стариков, непоседливых и равнодушных к жизни.

О характере своих земляков, о любви родительскому дому поэт пишет и в стихотворении «Над той долиной ветер постоянный»: Над той долиной ветер постоянный./ Зима длинна. / И холод там бесснежный. / И там живет народ немного странный, / Зато – безгрешный, / К своим семьям нежный.../ Пока не село солнце вдалеке, / От всех скрывая долгую истому, / Я перейду долину налегке / И подойду к родительскому дому./ И засмеюсь – я дома! Я пришел! / И я заплачу, что я снова вижу – / Родную землю, улицу и крышу, / Где в дни былые я друзей нашел.../ И я вздохну./ О как же хорошо!... (пер. Н. Переяслова).

В поэме В. Бабрашев не случайно упоминает о таких самоорганичных поэтах, как Пушкин, Есенин, Рубцов. А это говорит о его тонком, чутком отношении

к слову, избирательности в создании собственного художественного мира.

Название сборника «Jүрегим улуска көрүнгедий болзо...» («Открыть бы сердце людям» или «Раскрыть бы душу людям») отвечает содержанию, где поэт распахивает свою душу, а «распахнутая душа», как известно, это удивительный талант открывать другого человека. Именно, такая открытость миру, раскрытость души характеризует поэзию В. Бабрашева.

Эльвира ЧИНИНА

Литература:

1. Жирмунский В.М. Из истории западно-европейских литератур. Л.: «Наука», 1981.
2. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность, Л. «Наука». 1988 г.

Библиография о жизни и творчестве В.В. Бабрашева

Отдельные издания

1. **Бир кыш** = Одна зима: стихи, поэма / ред. Н.Я. Боделукова, худож. Е.И. Ортонулова. — Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1986. — 96 с.

Содерж.: Бичил ле үлгер, бичил ле көөркий; База ла как куру келдим, эне; Чакыда энчикпей турган аттый; Булуттын јыртыгынан бажын чыгарып; Төрөл јерим ады-чуузы јок; Кабай кожон; Улустын јакшызы; Сен, нөкөр; Аркага кирзем, агаштар унчукпас; Тенеринин түби тежилген болбой; Кар јөргөмөштин уйазы ошкош; Төндөр каранты, меестер каранты; Адам эмди башка јуртту; Айды сөстөгөни; Ол өзөктин ичи јыбар ла јыбар; Мендеп те турзам; Айды уйдешсе; Орой до болзо, ада кижиге; Бу ла тенек сагыжымнан артык; Бу ла јуукта тенек уулчагаш; Бу јарыкта, незин јажыар; Изүден јажынар јери јок јуртымда; Јаан улус таппаган сөсти; Түш јеримде та кажы алтайда; Санаама кирген ол јеримде; Будакта уйазын таштап ийеле; Наталья Гончарова болгон; Бу јарыкка базып јүргеним; Адым озо мантаар ла мантаар; Каткым келген: мен једип келгем; Бажымда чачымнын каразы да бар; Айылдардын ортозынча эдреп, балкаш тескенче; Түнүктерден көгөрип түдек чөйилет; Үүремди; Кедер үүрезин сөстөп болбон; Үйим айткан; Өлгөн кижиге ого не болзын; Менин үйим коркышту ла кизи; Уулдар, уулдар; Балдар мени таада дежерге; Сүүнетен күндер күнүн ле эмес; Бу күндүү јок ишти тайайын калак; Бу муза, көрмөс, куртту ла неме; Јиит классиктин комыдалы; Окшогом, окшогом, окшогом; Улус айдышса, талантту ла дежер; Јүрегим улуска көрүнгедий болзо; Кем де, байла, куучын башталза; Эрине таштаткан омок

келин; Канча келинге көс-баш јок сагыжым салбагам; Каткырып, кокырлап отурган бойымды; Чүмеркеп јүрген бүдүжин дешпегер; Баштагым туткан; Алдык та дешсе; Алтайды бир эдип эбирип келген; Көөрөдип, көкиткен струндар кирези; Алтай албатым, ас албатым; Ол кыс туштаган; Көөрөмим эмди ундылып калган; Бу јажына нени ле көргөм; Бу јүрек деп неме не ле болгон; Канчын ла јиит киреме јеттим; Кыс ла болзо, ээчий бергедий; Завклуб болгом эмди лесоруб; Урелдим ле деп комыдайтан болгом; Мен ле билер тужынан бери; Теннип јүрзе, акчалу болор деп; Јап-јаш бойым јамылу кижидий; Отурып алып незин ырылар; Кенейте куучынын не үстин; Күүнимнин бүдерин көрбөстө болзом; Бир кыш (поэма); П. Самык. Ыраак јылдыстын чогындый.

2. Јүрегим улуска көрүнгедий болзо... = Мерцающие звезд далеких: стихи, поэма / ред. Н.Я. Боделукова; худож. Р. Костин; гравюры М. Бабакова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайская республиканская типография, 1998. – 147 с.

Содерж.: Бичил ле үлгер, бичил ле көөркий; База ла как куру келдим, эне; Чакыда энчикпей турган ат-тый; Булуттын јыртыгынан бажын чыгарып; Төрөл јерим ады-чуузы јок; Кабай кожон; Улустын јакшызы, најы менин; Сен, нөкөр, Ыйтушкенде болзон; Аркага кирзем, агаштар унчукпас; Тенеринин түби тежилген болбой; Кар јөргөмөштин уйазы ошкош; Төндөр каранты, меестер каранты; Адам эмди башка јуртту; Айды сөстөгөни; Ол өзөктин ичи јыбар ла јыбар; Мен-деп те турзам; Айды уйдешсе – калганчызы, байла, мен; Орой до болзо, ада кижиге; Бу ла тенек сагыжымнан артык; Бу ла јуукта тенек уулчагаш; Бу јарыкта, незин јажыар; Изүден јажынар јери јок јуртымда; Јаан улус таппаган сөсти; Түш јеримде та кажы алтай-

да; Санаама кирген ол јеримде; Будакта уйазын таштап ийеле; Наталья Гончарова болгон; Бу јарыкка базып јүргеним; Адым озо мантаар ла мантаар; Каткым келген: мен једип келгем; Бажымда чачымнын каразы да бар; Айылдардын ортозынча эдреп, балкаш тескенче; Түнүктерден көгөрип түдек чөйилет; Ыүремди; Кедер ыүрезин сөстөп болбой; Ыйим айткан: – Папазы, – деген; Ылгөн кижиге ого не болзын; Менин ыйим коркышту ла кижиге; Уулдар, уулдар; Балдар мени таада дежерге; Сүүнетен күндер күнүн ле эмес; Бу күндүү јок ишти тайайын калак; Бу Муза, көрмөс, куртту ла неме; Јиит классиктин комыдалы; Окшогом, окшогом, окшогом; Улус айдышса, талантту ла дежер; Јүрегим улуска көрүнгедий болзо; Кем де, байла, куучын башталза; Эрине таштаткан омок келин; Канча келинге көс-баш јок сагыжым салбагам; Каткырып, кокырлап отурган бойымды; Чүмеркеп јүрген бүдүжин дешпегер; Улус мени сайыркак дешкен; Алдык та дешсе, көрүп јүргемде; Орус албаты јуртаган јерде; Ончо немени түптей билетен; Алтайды бир эдип эбирип келген; Көөрөдип, көкиткен, струндар кирези; Алтай албатым, ас албатым; Ол кыс туштаган. «Айылда» – деген; Көөрөмим эмди ундылып јиит киреме јеттим; Кыс ла болзо, ээчий бергедий; Завклуб болгом эмди лесоруб; Ырелдим ле деп комыдайтан болгом; Мен ле билер тужынан бери; Теннип јүрзе, акчалу болор деп; Јап-јаш бойым јамылу кижидий; Отурып алып незин ырылар; Күүнимнин бүдерин көрбөстө болзом; Бир кыш (поэма); Мендий кижинин кылыгын, байла; Кепке базылбаган ылгерлерден. Алтай тилиме; Турналар; Сен, Тайгыл, торт ло мен ошкожын; Индиянын кожоңы; Карган Тарас уулдарын уткыгандый; Айрылыжып узакка барар тужында; Бистин эрмек кандый эди? Сагышту, јакшы кижиге дезем; Кажы чакта јартын билбезим; Карыккан күннен сап тудунып; Кокурга шылтактай чынды айт-

кам; Мен сени, кожоным бичип ле салдым; Көксимде јуулган кыртышту коронды; Улустын бичиген чын-дык сөзин; Кайкамчылу ла неме, мен олүп те калзам; Айылчы болуп кирип баргадый; Кей сөстөрдү тура таштайла; Короп брааткан күн эртенги күнүмө; Учуп жүрген карлагаш та јок; Бу ээн аркада адымды бедиреп; Јааш ла јааш. Түни-түжи шылырт; Аргымак аттын манын көрөлө; Көрүшкелек тужында; Ыүремле кожо отуруп јадала; Кышкы јуртта энир ле кирзе; Көөркий, мен бүгүн база ла эзирик; Айдатан сөзинди; Козун кайра корүп те турзан; Бешпелтирде кыстар артпады – деп; Кызыткан күннен јажырып, кайынаш; Та јанмыр јааган; Герой ло болзо; Айдып болбос кыйын; Эчки тере тон эмтир; Клубтын ижин өрө көдүрер; Удабас јеристе тенектер јок болор; Көчүриштер; Ырысту-ырысту түш түжелди.

3. Я алтайской водою умылся: стихи, поэма / пер. Н. Переяслова: рисунки В. Тебекова, Дайаны и Дамиры Бабрашевых, – Горно-Алтайск: ООО «Горно-Алтайская типография», 2018. – 140 с.

Публикации в сборниках, периодических изданиях

На алтайском языке

1. Түнде: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1969. – 23 авг.
2. Энирде. Эртен тура: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1972. – 29 янв.
3. Кадыннын јарады: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1972. – 31 май.
4. Туштажу: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1972. – 12 март.
5. Карындажыма: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1972. – 16 апр.

6. Кадыннын жарады: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1972. – 31 май.
7. Тайгыда. Эрте кыш. Уйку жок түн: үлгер // Алтын көл. – 1974. – № 1. – С.76-77.
8. Ат: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1975. – 1 февр.
9. Бир кыш: поэманаң алынган үзүк // Алтайдын Чолмоны. – 1977. – 25 март.
10. Бир кыш. Баштапкы күн. Тышкары чыгала тыныжым буулды. Экинчи күн: үлгерлер // Алтын көл. – 1978. – № 1. – С. 45-54.
11. Бир кыш: поэманаң алынган үзүк // Алтын көл. – 1978. – №2. – С.12-17.
То же // Алтайдын Чолмоны. – 1992. – 4 июль.
12. Сен, нөкөр, Үйтүшкенде болзон: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1988. – 8 март.
То же // Өйдин үни. – 2007. – 8 февр.
13. Төрөл жерим: үлгер // Солоны. – 1991. – № 2. – С. 2.
14. Энем коркышту ла карганак эди: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1997. – 2 июль.
15. Турналар. Индиянын кожоңы. Тайгыл. Айрылыжып узакка барар тужында. Кызыткан күннен жажырып, кайынаш. Та жанмыр жааган. Герой ло болзо: үлгерлер // Алтайдын Чолмоны. – 1998. – 10 дек.
16. Кабай кожон. Орой до болзо, ада кижиге. Санаама кирген ол жеримде. Мендеп те турзам...: үлгерлер // Чемальский вестник. – 1998. – 19 дек.
17. Јүрегим улуска көрүңгедий болзо...: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 28 авг.
18. Төрөл жерим ады-чуузы жок. Бичил ле үлгер, бичил ле көркий. Тенгеринин түби тежилген болбой. Түнүктерден көгөрип түдек чөйилет. Сен, нөкөр, Үйтүшкенде болзон. Бу жүрек деп немее не ле

- болгон: үлгерлер // Алтай Телекей = Мир Алтая. – 2002. – № 1/2. – С.24-25.
19. Канча келинге көс-баш јок сагыжым салбагам: үлгер // Алтайдын Чолмоны. – 2003. – 8 март.
 20. Сен нөкөр, Ыйтүшкенде болзо: үлгер // Ойдин үни. – 2007. – 8 февр. – С. 12.
 21. База ла как куру келдим, эне: үлгер / В. В. Бабрашев // Алтай литература. 7 класс : уреду бичик-хрестоматия / Алтай Республиканын үредү, билим ле јашөскүрим политикалык министерство-зынын Эксперт соведи јараткан. – Горно-Алтайск, 2014. – С. 325- 326.
 22. Айдатан сөзинди айдынбай не турун? База ла куру келдим, эне: үлгерлер // Эпшилерге эрке сөс / сост., ред. Н. А. Тепукова. – Горно-Алтайск: Азатпай, 2015. – С. 91 – 93.
 23. Бичил ле үлгер, бичил ле үлгер, көөркий... Айды сөстөгөни... о. ө. Эл Алтай. Горно-Алтайск, 2018. – с. 117 – 123.

На русском языке

24. Что бы ни было, брат, я не знаю. Нет к человеку всеобщей любви. Приди, единственное слово. Опять ни с чем я. Колыбельная. Теперь иная у отца обитель: стихи / пер. А. Куладжи // Звезда Алтая. – 1998. – 12 дек.
25. Исполню свой сыновний долг. Луна из щели между туч. Самые щедрые. Табун подвижных кобылиц. Горы, кому-нибудь неинтересны. Опять спешу я: стихи / пер. А. Куладжи // Горный вестник. – 1998. – 17 дек.
26. Горы, опушки, леса неизвестные. Опять ни с чем я, мама дома. Приди единственное слово. Самые щедрые, друг мой хороший. Нет к человеку всеобщей любви. Опять спешу я, тороплюсь. Что

бы не было, брат, я не знаю. Иная у отца теперь обитель. Мой добрый друг, как будешь в Уйтушкене. Табун подводных кобылиц. Луна из щели между туч. Дождь из небесной мошны, из прорехи. Сватовство луны. В жизни слыл я скорым, застенчивым. Во сне я где-то на Алтае. Был давно ли пацан несмышлениш. В сумбурных мыслях, сумашедших: стихи / пер. А. Куладжи // Куладжи А. Строки: стихи / сост. Т.В. Куладжи; предисл. В. Кожина; худож. оформл. Э. Бабрашева. – Горно-Алтайск, 1999. – С.171-191.

27. В том краю, где пенится трава. Ничем земля не славится моя. Над той долиной ветер постоянный; жалоба молодого классика. О гитаре: стихи / пер. на рус. яз. Н. Переяслов // Родник. – 2017. – 8 дек. – С. 13.

Переводы В. Бабрашева с других языков

28. Кулиев, К. Јүрүмди јүрерге јенил немее деп. Ырысту-ырысту тўш тўжелди: ўлгерлер / пер. на алт. язык В. Бабрашев // Бабрашев В.В. Јүрегим улуска көрүнгедий болзо...: стихи, поэма. – Горно-Алтайск, 1998. – С. 150-151..

О жизни и творчестве

29. Амургушев, В. Јүреги онын јымжак болгон...: к 50-летию со дня рождения // Алтайдын Чолмоны. – 1998. – 10 дек.
30. Бельчекова, Н. Учуста кўйген јылдыс: к 50-летию со дня рождения // Алтайдын Чолмоны. – 1998. – 10 дек.
31. Јаны чўмдеген ўлгерлерден: о молодом поэте Владимире Бабрашове // Алтын Көл. – 1978. – № 1. – С. 45.

32. Мултина, И. Владимир Бабрашевтин үлгерлеринин јажыды // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 17 апр.
33. Палкин, Э.М. Мөшту-Айры төрөлим эди...: «Бир кыш» деп туујы керегинде // Алтайдын Чолмоны. – 1977. – 25 март.
34. Самык, П. Ыраак јылдыстын чоғындый: памяти молодого поэта В. Бабрашева // В. Бабрашев. Бир кыш: стихи, поэма / ред. Н.Я. Боделукова, худож. Е.И. Ортоңулова. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1986. – С. 90-92 с.
То же // Чемальский вестник. – 1998. – 19 дек.
35. Селекова, Н. Кожоны үзүлген поэт...: о сборнике стихов «Јүрегим улуска көрүңгедий болзо... // Сельская новь. – 2000. – 19 февр.
36. Чараганова, Г. Ойто ло јаш тужыста Үйтүшкенде: о вечере памяти поэта на его Родине в селе Бешпельтир Чемальского района // Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 12 јанв.
37. Чекуракова, Л. Ойынга шылтай ла кокырга кадай: В. Бабрашевтин үлгерлерин кычырып...// Алтайдын Чолмоны. – 1999. – 28 авг.
38. Ямаева, Е. Алтай тилимле айтпаган сөзимди...: о сборнике поэзии «Јүрегим улуска көрүңгедий болзо...» // Алтайдын Чолмоны. – 2000. – 2 март.
39. Кудирмеков, Б. «Сен нөкөр...» // Алтайдын Чолмоны. – 2011. – 27 јанв. – С. 6.
40. Санина, Н. Јүреги улуска ачылгадый // Алтайдын Чолмоны. – 2012. – 22 март. – С. 7.
41. Улустын јакшызы, најы, менин.../ В. Бабрашев // Мундустар: [история, символика, знаменитые люди рода] / редкол. Э. В. Бабрашев [и др.]. – Горно-Алтайск : Горно-Алт. тип., 2016. – С. 192.

42. Кыдыева, С. «Jүрүмге келиштире...» // Алтайдын Чолмоны. – 2017. – 20 июня. – С. 9.

На русском языке

43. Киндикова, Н.М. Слияние двух дарований: о поэтах В. Бабрашеве и А. Куладжи // Звезда Алтая. – 2002. – 7 мая.
44. Киндикова, Н.М. Проблемы поэтического перевода алтайской лирики // Киндикова, Н.М. Проблемы алтайской лирики (генезис, поэтика, искусство перевода). – Горно-Алтайск, 2003. – О Бабрашеве В.В. – С. 169-171.
45. Киндикова, Н.М. Поэтов родственные души // Родник (приложение к газете «Алтайдын Чолмоны» на русском языке). – 2007.- 30 авг. – С. 14.
46. О переводах А. Куладжи стихов В. Бабрашева, вошедших в сборник *«Мерцание звезд далеких»* (1998г.).
47. Маскина – Боделукова, Н.Я. 60 лет со дня рождения поэта Владимира Васильевича Бабрашева // Календарь юбилейных и памятных дат Республики Алтай на 2008 год / сост.: Л.Т. Баштыкова, Г.Д. Мартынова. – Горно-Алтайск, 2007. – С. 189-190. – порт.
48. Чинина, Э.П. «Раскрыть бы душу людям...» // Материалы научно- практической конференции «История и современность Чемальского района», посвященной 15-летию образования района. – Горно- Алтайск: Б.и. – 2008. – С. 86-90.
49. Настанет свой черед // Родник (приложение к газете «Алтайдын Чолмоны» на русском языке). – 2017. – 8 дек. – С. 13.

50. Судьба поэта. В том краю, где плещется трава...
(пер. Н. Переяслова) // Москва. Общеписательская
Литературная газета, № 8 (93) – 2018 – С. 8.

Составитель Л.Т. Баштыкова

Содержание

«Лица необщим выраженьем!...»	4
«В том краю, где пенится трава...»	10
Народ мой добрый, друг мой золотой	12
Творись, мой стих!	13
Опять ни с чем я, мама, дома (Пер. А. Куладжи)....	15
Из узкой щели меж волнистых туч.....	16
Как торопливый конь, который рвётся.....	18
Ничем земля не славится моя:	19
Колыбельная	20
Если будешь, мой друг, в Уйтушкене	21
Со страхом смотрят из густого леса.....	22
Дождь из небесной мошны, из прорехи (Пер. А. Куладжи)	23
Отец теперь живёт с другой семьёй	24
Над той долиной ветер постоянный.....	26
Я ей сказал – послушным буду я	27
Жена сказала, взгляд лукаво пряча:.....	28
Что бы ни было, брат, я не знаю (Пер. А. Куладжи)	29
Сватовство луны (Пер. А. Куладжи)	31
Хоть в шоколаде	32
Ты был недавно глупым малышом.....	33
Кроме ненужных, спутанных идей	34
На этом свете – что скрывать?	35
Если б люди ко мне заглянули во двор.....	36
Прогреты солнцем сопки	37
Порой, затеяв как-то разговор.....	38
Жалоба молодого классика	39
Народ кругом твердит, что я бездарен.....	40
Пока живёте, парни, на земле	41
Ну что сказать тому, кто ляжет в гроб?	42
Жена смеётся – муж ушёл?	43
Позвал подругу: – Слышишь? Выходи!	44

Меня жена гоняет, словно кнут	45
Не тревожься, дорогая	46
Через наш высокий дымоход	47
В том краю, где пенится трава	48
Был завклуб я.....	49
Чтоб не сидеть с душой понурою.....	50
Мой верный конь.....	51
О гитаре.....	52
Хоть стремлюсь и спешу я, как бешеный зверь	53

Я алтайской водою умылся. Миниатюры	54
Я алтайской водою умылся	56
Натаалья Гончарова – стала Пушкиной.....	58
Ну кто там старость увидал мою?	59
Не каждый час я радуюсь тому.....	60
Мне девушка сказала: «Погости!» –	61
Где ветерок? Где облака?	62
«Легко ль поэтом быть?» – спрошу.....	63
...И хмыкнул я. И повернувшись прочь	64
Ну не смешно ль? Сквозь три десятка бед	65
На голове есть волосы, как смоль	66
Мне скажет кто-то, что завидую я тут	67
Меня считают сумасшедшим? Не беда!.....	68
Я до конца дойду за правду и до дна.....	71
Луну последним провожаю я, друзья.....	74
С тех пор, как я вкусил впервые хлеба	75
О нет! В «Ералаш» я попасть не стремился!.....	76

Одна зима. Поэма	78
...Я думал, станет красочней земля	83
...Шагну во двор – и тут же задохнусь	87
...Зашёл я к брату старшему. Он зол.....	88
Так проходив неделю по гостям	91
И вот я дома со своей семьёй.....	94
Мне в полусне пришёл раз Эркемей	99

О творчестве, о жизни	106
Судьба поэта	109
«Раскрыть бы душу людям...»	112
Библиография о жизни и творчестве	
В.В. Бабрашева	120

Подписано в печать 29.11.2018 г. Формат 84х108^{1/32}.

Печать офсетная.

Объем 8,75 п.л. Тираж 500 экз. Заказ 6592.

Отпечатано в ООО «Горно-Алтайская типография»
649000, г. Горно-Алтайск, пр. Коммунистический, 35

250,00

